

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО
КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПРИЗНАНИЯ
ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ПРАВ И СВОБОД
ВЫСШЕЙ ЦЕННОСТЬЮ**

**Сборник статей по материалам
Международной научно-практической
конференции молодых ученых**

(г. Пермь, 10 декабря 2021 года)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО
КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА,
ЕГО ПРАВ И СВОБОД ВЫСШЕЙ ЦЕННОСТЬЮ**

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической
конференции молодых ученых
(г. Пермь, 10 декабря 2021 года)

Пермь 2021

УДК 341.231.14+342.7(470)
ББК 67.412.1+67.400.7(2Рус)
М432

Международное и национальное право как инструменты признания человека, его прав и свобод высшей ценностью [Электронный ресурс] : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции молодых ученых (г. Пермь, 10 декабря 2021 г.) / науч. ред. Ю. В. Васильева ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – 2 Мб; 94 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/mezhdunarodnoe-i-nacionalnoe-pravo-kak-instrumenty-priznaniya-cheloveka.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3764-5

Сборник содержит статьи по материалам Международной научно-практической конференции молодых ученых «Международное и национальное право как инструменты признания человека, его прав и свобод высшей ценностью».

Издание отражает видение актуальных проблем международного и национального права в сфере нормативного регулирования прав человека в качестве высшей ценности.

УДК 341.231.14+342.7(470)
ББК 67.412.1+67.400.7(2Рус)

Издается по решению оргкомитета конференции

Научный редактор

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права
юридического факультета ПГНИУ **Ю. В. Васильева**

Составители

студенты юридического факультета ПГНИУ
А. К. Антонян, Р. А. Маслов, А. Н. Жданов

Рецензенты

к. ю. н., доцент, зав. кафедрой гражданского
и предпринимательского права НИУ ВШЭ – Пермь **Е. Р. Брюхина**
д. ю. н., доцент кафедры трудового права
Уральского государственного юридического университета **Е. А. Истомина**

ISBN 978-5-7944-3764-5

© ПГНИУ, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

На юридическом факультете международное публичное право на протяжении многих лет бессменно преподавалось Виталием Александровичем Крыжаном – человеком ярким и увлечённым своим делом. В глазах студентов Виталий Александрович имел воплощение мудрого наставника. Отзывчивость, интеллигентность, красноречие – все эти качества навсегда останутся в нашей памяти. Он не жалел личного времени, всегда был готов ответить на любой вопрос студента, давал нам важные напутственные слова. Виталий Александрович верил в идеалы, заложенные в нормах о правах человека. В частности, говорил об особой важности практической реализации принципа презумпции невиновности в следственной и судебной практике. Приводил яркие примеры, наглядно демонстрирующие смысл и содержание сложных международно-правовых понятий, явлений, процессов. Было заметно, что он любит международное право и стремится привить эту любовь и к своим студентам.

Виталий Александрович был настоящим профессионалом. Лекции и семинары по международному праву благодаря неординарному подходу Виталия Александровича представляли неподдельный интерес для студентов. Всякую лекционную тему он воспроизводил для слушателей исключительно по памяти. А на семинарских занятиях всегда акцентировал внимание на дискуссионных, острых вопросах теории и практики. Виталий Александрович говорил, что знания из отдельных отраслей права без изучения международного права недостаточны для формирования целостного представления будущего профессионального юриста о системе права. С этим нельзя не согласиться.

Настоящий сборник посвящается светлой памяти нашего учителя, человека с большой буквы Виталия Александровича Крыжана.

СОДЕРЖАНИЕ

Быданцев А. Г., Жданов А. Н. Принудительная вакцинация: нарушение прав человека или требование времени?	5
Гаврилова В. Д. Становление соматических прав на международном уровне	11
Горшкова П. А. Методы реализации международно-правовой защиты прав человека	16
Горшкова С. А. Роль права национальной безопасности в нашей жизни.....	21
Гуляева О. Н. К вопросу о понятии слабого субъекта правоотношений	26
Карташова Д. В. Международно-правовые проблемы защиты прав человека в непризнанных государствах.....	31
Крупин Е. А. Прекаризация платформенной занятости как угроза правам трудящихся	36
Малышева А. Н., Найданова А. Е. Становление и развитие прав и свобод человека: международно-правовой аспект	41
Матвеева К. А. Проблемы защиты прав негосударственных акторов, вступающих с организацией объединенных наций в частноправовые отношения международного характера, и пути их решения	46
Митрошенко А. Е., Немцова В. Д. Проблемы распоряжения криоконсервированным эмбрионом после расторжения брака между его генетическими родителями	50
Мхитарян А. С. Нарушение частной жизни лица: практика ЕСПЧ по вопросу защиты персональных данных	55
Нерсисян Г. Г. Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации	60
Олин Е. А. К вопросу о балансе интересов при ограничении свободы слова: международно-правовой аспект	64
Панкратьева М. И. Понятие метаданных в контексте права на неприкосновенность частной жизни: постановка проблемы	69
Поварницына Ж. А. Реализация права на образование детьми с ограниченными возможностями здоровья: общероссийские тенденции и региональный опыт	74
Саттаров В. Д. Развитие информационного законодательства в Российской Федерации	79
Чернопиская Н. Д. Международные стандарты права социального обеспечения	84
Якупова В. Р. Международная защита прав человека в информационной сфере	90

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ВАКЦИНАЦИЯ: НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ?

COMPULSORY VACCINATION: A VIOLATION OF HUMAN RIGHTS OR A DEMAND FOR TIME?

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с относительно новой и очень острой в настоящий момент проблемой – принудительной вакцинацией, в том числе вакцинацией от новой коронавирусной инфекции COVID-19. Анализируются основные нормативно-правовые акты, регулирующие данный вопрос, практика международных судов, а также мнения учёных по рассматриваемой проблеме. Делается вывод о том, что вакцинация обусловлена необходимостью борьбы с инфекционными заболеваниями и не нарушает прав граждан.

Annotation: the article discusses issues related to a relatively new and very acute problem at the moment - compulsory vaccination, including vaccination against the new coronavirus infection COVID-19. The main normative legal acts regulating this issue, the practice of international courts, as well as the opinions of scientists on the problem under consideration are analyzed. It is concluded that vaccination is conditioned by the need to combat infectious diseases and does not violate the rights of citizens.

Ключевые слова: вакцинация, новая коронавирусная инфекция COVID-19, права человека, здоровье населения, QR-код.

Keywords: vaccination, new coronavirus infection COVID-19, human rights, public health, QR code.

Актуальность данной темы проявляется в следующих аспектах. Социально-экономический аспект состоит в том, что вакцинация вызывает возмущение широких масс населения, а также связан с большими затратами государства на иммунизацию граждан. Правотворческий аспект актуальности выражается во внесении законопроекта в Государственную Думу РФ «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», в случае принятия которого прививка от коронавируса будет введена в национальный прививочный календарь¹. Правоприменительный аспект раскры-

вается в массовой подаче исковых заявлений в суды по поводу незаконного отстранения от работы или увольнения, не привитых от коронавируса, а также против ограничительных мер в виде QR-кодов. Доктринальный аспект актуальности заключается в том, что по данной теме отсутствуют какие-либо комплексные исследования и научные труды.

Обратимся к международным источникам. В соответствии с п. 7.3.1. Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы 2361 (2021), которая устанавливает международные юридические стандарты практики внедрения вакцинации, граждане должны быть проинформированы о том, что вакцинация не является обязательной, что никто не может подвергаться политическому, социальному или иному давлению для её прохождения. В пункте 7.3.2. документа обозначено, что запрещено подвергать людей дискриминации, то есть разного рода умалению в правах из-за отсутствия вакцинации.

Однако п. 4 данного акта гласит, что необходимо охватить вакцинацией как можно больше людей, поскольку именно от этого зависит эффективность вакцины как средства борьбы с коронавирусной инфекцией. Здесь же отмечено, что настороженность в отношении вакцины позволит мутировать вирусу и свести на нет действенный способ избавления от пандемии².

То есть Парламентская Ассамблея Совета Европы призывает привить максимально возможное количество населения государств и в то же время объявляет, что вакцинация не является обязательной. При этом так же упоминается «настороженность в отношении вакцины», тем самым Ассамблея признает недоверие к вакцине или прогнозирует таковое со стороны общества.

Иная позиция относительно вакцинации, напрямую не относящейся к коронавирусной инфекции, изложена в решении Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) «Вавржичка и другие против Чешской республики». Заявитель Вавржичка был признан виновным в правонарушении за отказ от вакцинации своих детей и оштрафован. Он ссылаясь на нарушение его права на отказ от медицинского вмешательства, предусмотренные статьями 5 и 6 Конвенции о правах человека и биомедицине 1997 года (далее – Конвенция), а также право придерживаться и исповедовать свои религиозные и философские убеждения³. В своем заявлении он назвал прививки безответственными экспериментами со здоровьем человека, подчеркивал фактические и потенциальные побочные эффекты

² Резолюция № 2361 (2021) Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «Вакцины против COVID-19: этические, правовые и практические соображения» // URL: <https://european-court-help.ru/rezoljucija-2361-2021-parlamentskoj-assamblei-soveta-evropy-pase-vakciny-protiv-covid-19-jeticheskie-pravovye-i-prakticheskie-soobrazhenija>.

³ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) от 04.09.1997 (в ред. от 27.11.2008) // URL: <https://www.coe.int>.

вакцин и утверждал, что в его случае не возникло никакого риска для здоровья населения, учитывая, что последний случай полиомиелита датируется 1960 годом, касающимся гепатита В. только группы высокого риска, и столбняк не передавался среди людей. По его мнению, вакцинация вредна для детей. Другие заявители также сослались на нарушение положений Конвенции.

Конституционный суд Чешской республики провел различие между законодательными положениями об обязательной вакцинации и обеспечением выполнения этой обязанности. Также было отмечено, что принудительная вакцинация равносильна допустимому ограничению фундаментального права свободно исповедовать свою религию или убеждения, поскольку, очевидно, это мера, необходимая в демократическом обществе для защиты общественной безопасности, здоровья, а также прав и свобод других. Европейский Суд по правам человека принял следующую позицию – государства несут обязательства принимать надлежащие меры по защите жизни и здоровья. Поэтому в удовлетворении заявления Вавржички и других лиц по данному делу отказал.

Таким образом, Суд постановил, что обязательная вакцинация соответствует положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Надо сказать, что ряд государств, участвующих в деле в качестве третьих лиц – Франция, Венгрия, Северная Македония, Италия и другие признали необходимость вакцинации и отметили, что на сегодняшний день не существует более эффективного средства борьбы с инфекционными заболеваниями⁴.

Решения Европейского суда по правам человека способствуют уяснению и единообразному применению правовых норм, обеспечивают их соответствие европейским стандартам в области прав человека, следовательно, имеют возможность воздействовать на правовые системы практически всех государств Европы и оказывать решающее влияние на национальное законодательство и практику правоприменения⁵. Соответственно, если европейские государства, в том числе Российская Федерация, введут обязательную вакцинацию, то это не будет нарушением международно-правовых норм.

Проблеме принудительной вакцинации уделялось внимание ещё до пандемии коронавируса. Так, в 2018 году Институтом вакцины Сабина был подготовлен Законодательный обзор «Законодательные подходы к иммунизации в Европейском регионе». В результате анализа данных по ряду европейских государств

⁴ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 08.04.2021 по делу № 47621/13 «Вавржичка и другие против Чешской Республики» // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng>.

⁵ Анохин Ю.В., Черепанова О.С. О значении решений Европейского Суда по правам человека для правовой системы Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 129.

был сделан вывод о том, что страны часто основывают свою политику иммунизации на контексте здравоохранения: эпидемиологии заболеваний, предупреждаемых с помощью вакцин, возрастной заболеваемости и смертности, ожидаемой продолжительности жизни, иммуногенности вакцин, риска AEFI, цены на вакцины и организации системы здравоохранения. Статистика показывает, что из 53 стран, участвующих в исследовании, в 45 странах предусмотрена обязанность государства вакцинировать население, а в 28 странах предусмотрена обязательная вакцинация со стороны населения. Во многих государствах уже тогда, в 2018 году были предусмотрены наказания за несоблюдение обязанности по вакцинации. Согласно исследованию, треть стран (18/53) ввели штрафы для обеспечения соблюдения обязательных положений. Несмотря на то, что в Европе были примеры принудительного исполнения, может быть сложно применить меры наказания, будь то через денежные штрафы (такие как Албания, Чешская Республика и Словения) и даже уголовные обвинения в халатности (такие как Франция). Помимо Кипра, Германии и Молдовы, во всех странах, где применяется обязательный подход, также предусмотрены штрафы. 19 стран, участвующие в исследованиях, ставят вакцинацию детского населения как условие посещения ими общеобразовательных школ⁶.

Следует отметить, что несмотря на совсем недавнее обострение рассматриваемой проблемы в связи с антиковидными мерами, некоторые учёные уже успели написать статьи по ней, основываясь на текущей ситуации. Так, в марте 2021 года в журнале «Закон и право» была опубликована научная статья Е.О. Ананьевой, П.В. Ивлиева и Т.А. Шмаевой на тему «Вакцинация населения: право, обязанность граждан или интерес государства». Высказываются довольно интересные мысли о том, что вакцинация населения, исходя из анализа положений ст. 18 Конституции РФ, является правом граждан, а не их обязанностью, однако необходимо учитывать, что в случае тяжёлой санитарно-эпидемиологической ситуации возможно ограничение доступа непривитых граждан к неким благам⁷. При этом, отмечают авторы, необходимо учитывать, что состояние здоровья некоторых граждан не позволяет им пройти вакцинацию. Следовательно, авторы предложили нормативно закрепить перечень заболеваний, при которых вакцинация запрещена, а также предусмотреть для таких лиц документальное медицинское подтверждение. К сожалению, в настоящий момент в РФ данное,

⁶ Законодательный обзор: Законодательные Подходы к Иммунизации в Европейском Регионе // URL: <https://www.sabin.org>.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

казалось бы, очевидное, предложение, реализовано крайне слабо, поскольку лицам, имеющим медицинский отвод, не предоставляется QR-код, который был бы равен по силе QR-коду переболевшего коронавирусом или вакцинированного от него, что существенно нарушает права данной категории граждан. В целом авторы статьи считают, что наиболее эффективным способом увеличения числа вакцинированных граждан является пропаганда необходимости вакцинации для интересов как самих граждан, так и общества в целом⁸.

Несколько иначе на данный вопрос смотрят В.В. Масляков, О.Н. Павлова, Н.Н. Портенко. В своей статье «Вакцинация от коронавируса: правовые вопросы» они отмечают, что вакцина от коронавируса в настоящий момент не входит в перечень обязательных профилактических прививок, который определен Приказом Минздрава России от 21.03.2014 № 125н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических показаний по эпидемическим показаниям» (далее – Приказ № 125н)⁹. Для вакцинации любого инфекционного заболевания (в т. ч. и от COVID-19) необходимо внести изменения не только в вышеназванный законодательный акт, но и в основной закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰. В законодательных актах должны быть включены права граждан, не только на отказ от медицинской помощи в целом, но и право на отказ от профилактических прививок, в частности. Следовательно, если педагог, медицинский и торговый работник не вакцинирован от коронавируса, то отстранение категории граждан от работы и отказ в приеме на определенную работу, в настоящее время, незаконным¹¹.

Таким образом, авторы настоящей статьи придерживаются позиции ЕСПЧ и считают, что обязательная вакцинация не нарушает прав граждан,

а наоборот способствует реализации их права на здоровье. Однако следует заметить, что существуют некоторые трудности на практике. Например, нарушаются права граждан, имеющих медицинские противопоказания. Для данной категории лиц целесообразно предусмотреть особый вид QR-кода. Также рационально будет принять международную конвенцию об инфекционных заболеваниях и способах борьбы с ними, в частности, с новой коронавирусной инфекцией

⁸ Ананьева Е.О., Ивлиев П.В., Шмаева Т.А. Вакцинация населения: право, обязанность граждан или интерес государства // Закон и право. 2021. № 3. С. 42.

⁹ Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических показаний по эпидемическим показаниям: Приказ Минздрава России от 21.03.2014 № 125н (в ред. от 03.02.2021) // Российская газета. № 109. 16.05.2014.

¹⁰ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. № 263. 23.11.2011.

¹¹ Масляков В.В., Портенко Н.Н., Павлова О.Н. Вакцинация от коронавируса: правовые вопросы // Административное право и практика администрирования. 2020. № 3. С. 34.

COVID-19. В конвенции следует предусмотреть право государства вводить обязательную вакцинацию от ряда инфекционных заболеваний. При этом следует предусмотреть ответственность государства за тяжелые последствия для здоровья, вызванные вакцинацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Законодательный обзор: Законодательные подходы к иммунизации в европейском регионе // URL: <https://www.sabin.org>.
2. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В., Шмаева Т.А. Вакцинация населения: право, обязанность граждан или интерес государства // Закон и право. – 2021. – № 3.
3. Анохин Ю.В., Черепанова О.С. О значении решений Европейского Суда по правам человека для правовой системы Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 1.
4. Маличенко В.С. Международно-правовые механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1.
5. Масляков В.В., Портенко Н.Н., Павлова О.Н. Вакцинация от коронавируса: правовые вопросы // Административное право и практика администрирования. – 2020. – № 3.

СТАНОВЛЕНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

THE FORMATION OF SOMATIC RIGHTS AT THE INTERNATIONAL LEVEL

Аннотация: В статье рассматривается становление соматических прав на международном уровне. Автором выяснено, что этот процесс является трудным ввиду особого содержания прав, входящих в понятие «соматические», и последующими проблемами, связанными не только с отрицательной оценкой данных прав со стороны общества и разными позициями государств по ключевым биоэтическим вопросам, но и с трудностями, которые проявляются непосредственно в процессе реализации соматических прав.

Annotation: The article examines the formation of somatic rights at the international level. The author decided that this process is difficult due to the special content of the somatic rights and the problems associated with the negative assessment of these rights by society, different positions of states on bioethical issues, difficulties that manifest themselves in the realization of somatic rights.

Ключевые слова: соматические права человека, международное регулирование, национальное регулирование, этические стандарты, биомедицина, биоэтические проблемы, клонирование.

Keywords: somatic human rights, international regulation, national regulation, ethical standards, biomedicine, bioethical problems, cloning.

Формирование и становление соматических прав человека фактически обусловлено стремительным развитием научно-технического прогресса в области биомедицины и генной инженерии, которое отличается почти полной непредсказуемостью последствий и неопределенностью характера их влияния на эволюцию современного информационного общества и на судьбу человеческого рода. Это порождает неоднозначное отношение общества к описанному феномену, нормативно-правовая регламентация соответствующих общественных от-

ношений в целом сопряжена с целым комплексом морально-этических и духовных проблем¹. Необходимо отметить, что проблема сохранения человека как вида возникает независимо от интерпретации понятия «соматические права». Появившиеся в связи с развитием науки возможности позволяют осуществлять вмешательство в геном человека, попытки изменить функциональные возможности организма и реализацию соматических прав в целом, что характеризуется рискованным характером, может привести к необратимым потерям и свидетельствует о необходимости проведения определенной границы, сбалансированной с моральными требованиями. Все вышеперечисленное делает значимыми вопросы регламентации и регулирования нового поколения прав человека, в части необходимости введения специализированного нормативного регулирования, основанного на этических стандартах.

Научное понимание категории «соматические права» (от греч. soma – тело) фокусирует внимание на биологической природе человека как вида, связано с телом, его потребностями и физиологической структурой человека в целом. Рассматриваемая категория базируется на правомочиях индивида распоряжаться собственным телом по своему усмотрению. Данные права нередко формулируются по различным основаниям, а их перечень является дискуссионным². В широком смысле под соматическими правами можно понимать следующие: право на генетические модификации; репродуктивные права человека (право на искусственное оплодотворение, экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, искусственное прерывание беременности и т.д.); право на трансплантацию органов, тканей, клеток; право на смену пола; право на изменение внешности (формы модификации и реставрации тела); свободу выбора формы ухода из жизни; право на участие в биомедицинских исследованиях³.

При рассмотрении вопроса правового регулирования соматических прав на международном уровне мы можем встретить такую формулировку, как «защита прав человека в сфере биоэтики». Упоминание биоэтики отражает нравственный аспект деятельности человека в медицине и биологии, является одним из способов обеспечения таких основных прав, как право на жизнь и на достоинство в пределах соответствующих мероприятий (например, медицинских иссле-

¹ Гончаров И.В. Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2. С. 23.

² Долин В.А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // URL: http://www.ifp.uran.ru/netcat_files/211/547/701a9e7ad31cfe7feaf1116963415300.

³ Поцелуев Е.Л., Данилова Е.С. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство: сетевой журн. 2015. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/potseluev_el_danilova_es_15_1_13.pdf2.

дований), реализации определенных соматических прав, имеющих сугубо личностный характер⁴. Это было отражено в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации, Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека и др. В данных документах выражается позиция о приоритете прав человека как объекта исследований над получением результатов, которая нашла закрепление в виде соответствующего принципа, причем это отражает и гуманизм в нормативно-правовой базе регулирования данной сферы. Несмотря на отсутствие закрепления за многими соматическими правами статуса общепризнанных, международное сотрудничество в сфере общественных отношений, в которых реализуются телесные притязания человека, имеет место⁵. На наш взгляд, отношение государств как первичных субъектов международного права к содержанию нормативно-правовых актов, касающихся защиты прав человека в сфере биоэтики, отражает разные подходы к пониманию концепции соматических прав и регулированию данного института в целом. Обратимся к Конвенции Овьедо, которая признается важным итогом работы европейских институтов (Конвенция разрабатывалась на уровне Совета Европы) по обеспечению защиты прав человека в биомедицинской области. Разумеется, некоторые из содержащихся в ней принципов уже были включены в более общих выражениях в предыдущие международные договоры о правах человека, но данный документ является первым нормативно-правовым актом, когда права человека (особенно те, которые входят в понятие «соматические права»), были разработаны и собраны в одном связующем инструменте, посвященном вопросам всесторонней взаимосвязи между правами человека и биомедициной.

Необходимо отметить, что в одном из дополнительных протоколов к данной Конвенции содержится прямой запрет на клонирование⁶ как на вмешательство, противоречащее человеческому достоинству и угрожающее индивидуальности. Это воспроизвело положения из Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, но если в последней говорилось только о недопустимости клонирования, то в протоколе был установлен запрет на него. Тем самым стороны данного международного договора не признали право на генетические модификации, в частности, на клонирование, его реализацию в форме использования.

Государства по-разному подошли к вопросу о признании положений Конвенции Овьедо и упомянутого протокола. Так, есть страны, которые признали

⁴ Нестерова Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

⁵ Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 23.

⁶ Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901947041>.

условия Конвенции, но в соответствующих ратификационных грамотах содержались оговорки⁷. Некоторые государства не присоединились к Конвенции и протоколам к ней, но не проигнорировали обозначенную Советом Европы позицию об увеличении списка биоэтических проблем. Например, Российская Федерация не является участником Конвенции Овьедо, но в РФ был принят федеральный закон "О временном запрете на клонирование человека" от 20.05.2002 № 54-ФЗ.

Не все европейские страны подписали, ратифицировали и воспроизвели конкретные положения данного международного договора в национальных законодательствах. Так, данные государства имеют собственную нормативно-правовую базу регулирования сфер, входящих в понятие «соматические права», выбирают сторону адаптации соответствующих международных стандартов, например, положений Конвенции Овьедо и протоколов к ней, к специфике национальной правовой системы, на основе которой во многом и формируется позиция государства относительно конкретного явления. Например, в ФРГ действует закон⁸, в котором установлена преступность и наказуемость «генетических модификаций» в форме клонирования, как и в законодательствах многих государств-участников Конвенции Овьедо, подписавших упомянутый выше дополнительный протокол. Закон предусматривает уголовные санкции за злоупотребление репродуктивными технологиями, неправильное использование человеческих эмбрионов: продажа и иные деяния, целью которых выступает не сохранение эмбриона, искусственное оплодотворение яйцеклетки человека сперматозоидом, выбранным в соответствии с содержащейся в ней половой хромосомой, несанкционированное оплодотворение и пр. Однако ФРГ не согласилась с положением Конвенции о допустимости вмешательства в геном человека в терапевтических целях при определенных условиях, например, если не изменится геном наследников данного субъекта исследования, и с диспозитивной нормой, согласно которой вопрос о возможности проведения экстракорпорального развития человеческого эмбриона в условиях «*in vitro*» передается на усмотрение сторон договора. В ФРГ отрицательно относятся к данным аспектам соматических прав, в государстве была запрещена их реализация еще за несколько лет до составления Конвенции, что стало основанием для отказа ФРГ подписать данный документ.

Необходимо ответить, что Конвенция задумывалась как «рамочный инструмент», поэтому документ не претендовал на точное и подробное решение

⁷ Карта подписей и ратификаций Договора 164. Конвенция о защите прав человека и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (CED № 164) // URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatyenum=164>.

⁸ Embryonenschutzgesetz // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html>.

наиболее сложных биоэтических дилемм, например, правовой статус человеческого эмбриона, эвтаназия. Данный договор справедливо оценивать как стратегию регулирования биомедицинских исследований и практики на транснациональном уровне, поскольку при разработке договора особое внимание уделялось именно растущему списку биоэтических проблем и установлению набора минимальных стандартов для предотвращения действий, которые наиболее серьезно ущемляли бы права человека и человеческое достоинство. На наш взгляд, не следует недооценивать принципы, касающиеся соматических прав человека и использования инноваций в биомедицине, поскольку они задуманы как первый шаг к продвижению более конкретных правил на национальном уровне, что улучшит механизмы защиты прав человека. Исходя из вышеперечисленного, необходимо также обратить внимание на то, что представляется трудным достичь более высокий уровень консенсуса по данной теме ввиду несовпадения позиций государств по поводу ключевых биоэтических вопросов. Это подтверждает тезис о том, что отношение государств к содержанию нормативно-правовых актов, касающихся защиты прав человека в сфере биоэтики, отражает разные подходы к пониманию концепции соматических прав и регулированию данного института в целом.

Таким образом, правовое регулирование института соматических прав как на национальном, так и на международном уровне не представляется простой задачей. Это обусловлено особым содержанием прав, которые входят в понятие «соматические», и последующими проблемами, связанными не только с отрицательной оценкой данных прав со стороны общества и разными позициями государств по ключевым биоэтическим вопросам, но и с трудностями, которые проявляются непосредственно в процессе реализации соматических прав. Необходимо выработать научное и общее нормативное решение данного вопроса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гончаров И.В. Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2.
2. Долин В.А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // URL: http://www.ifp.uran.ru/netcat_files/211/547/701a9e7ad31cfe7feaf1116963415300.
3. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3.
4. Нестерова Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
5. Поцелуев Е.Л., Данилова Е.С. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. № 1.

МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

METHODS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с методами реализации международно-правовой защиты прав человека, их классификация и применение на практике. Рассматривается сущность каждого метода в отдельности. Производится анализ эффективности современного уровня применения методов международно-правовой защиты прав человека. Автор приходит к выводу о необходимости сотрудничества государств в данной области и зависимости эффективности применения мер защиты прав человека от степени ответственности государств в выполнении предписаний международных органов.

Annotation: the article deals with issues related to the methods of implementation of international legal protection of human rights, their classification and application in practice. The essence of each method is considered separately. The analysis of the effectiveness of the current level of application of methods of international legal protection of human rights is carried out. The author comes to the conclusion about the need for cooperation of States in this area and the dependence of the effectiveness of the application of human rights protection measures on the degree of responsibility of States in fulfilling the requirements of international bodies.

Ключевые слова: методы реализации международно-правовой защиты прав человека, права человека, политический метод, рассмотрение докладов, рассмотрение жалоб, рассмотрение сообщений.

Keywords: methods of implementation of international legal protection of human rights, human rights, political method, consideration of reports, consideration of complaints, consideration of communications.

Защита прав и свобод человека является одним из приоритетных направлений в деятельности международных организаций и самих государств. С принятием Всеобщей декларации прав 1948 г. наступил новый этап во взаимоотношениях государств с населением¹. Она закрепила основные, базовые права каждого человека: право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, на равенство и другие. Для реализации прав и свобод человека необходимо не только их нормативное закрепление, но и признание, и создание способов охраны и защиты

от всякого нарушения. Устав ООН обязывает государств соблюдению прав и свобод человека, в противном случае наступает соответствующая санкция государству – нарушителю².

Главным вопросом является реализация защиты таких прав и свобод человека. Международно-правовая защита реализуется с помощью материальных юридических норм (по защите основных прав и свобод в целом; по борьбе с нарушением прав, вызванных расовыми признаками; в условиях вооружённого конфликта; по защите отдельного индивида в трудовых правоотношениях; по защите отдельных социальных групп; по защите коренных народов и национальных меньшинств), а также с помощью институциональных механизмов (договорные и уставные органы ООН, региональные органы защиты прав человека).

Методами реализации международно-правовой защиты прав и свобод человека являются рассмотрение докладов, рассмотрение жалоб, рассмотрение сообщений.

Рассмотрение докладов представляет собой их изучение компетентными международными органами. Доклады предоставляются государствами в рамках процедуры универсального периодического обзора и в рамках работы в различных комитетах по правам человека. Например, в 2018 году Россия предоставила доклад о соблюдении прав человека за 5 лет в ООН, в котором отмечались все значимые события в области защиты прав и свобод человека, такие как становление института уполномоченного по правам человека во всех субъектах РФ, образование Федерального агентства по делам национальностей, ужесточение ответственности за преступления против половой неприкосновенности и свободы несовершеннолетних.

Рассмотрение жалоб применяется с помощью судебных процедур, а также универсальных правозащитных механизмов по установлению факта нарушения прав и свобод человека. Гражданин пользуется международной защитой только тогда, когда все имеющиеся внутригосударственные средства защиты исчерпаны. Таким образом, заявить о нарушенном праве можно только после использования данного механизма на государственном уровне.

Органами, рассматривающими такие жалобы, являются, например, региональные суды по правам человека – Европейский суд по правам человека, Комиссия по правам человека и народов, Межамериканский суд по правам человека, Межправительственная комиссия по правам человека.

² Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII, М., 1956. С. 14–47.

Примером рассмотрения жалоб международным органом может служить решение ЕСПЧ по делу Калашников против Российской Федерации³. Предметом жалобы являлись условия содержания под стражей, его длительность и продолжительность. В связи с чем, ЕСПЧ признал нарушение в части статьи 3, пункта 3 статьи 5, пункта 1 статьи 6 Конвенции и постановил государству – ответчику выплатить компенсацию.

Согласно информации, опубликованной на официальном интернет сайте Министерства Юстиции РФ число жалоб, подаваемых на Российскую Федерацию гражданами в ЕСПЧ, в 2020 году снизилось более чем на 30 %. Причины такого значительного снижения неизвестны. Министерство отмечает, что в сравнении с 2019 годом число вынесенных постановлений по делам против России сократилось на 7 %. Данные показателя связаны, прежде всего, с досудебным урегулированием конфликта.

Общий процент отклоняемых жалоб в отношении всех стран в связи с их неприемлемостью на 2020 году остаётся неизменно высоким — 90 %.

Рассмотрение сообщений заключается в изучении сообщений о нарушении прав и свобод человека, запрашивании у государств соответствующих докладов или объяснений, производство мероприятий по рассмотрению сообщений. Данная процедура, установлена резолюцией 1503 Экономического и Социального Совета ООН («Процедура 1503»). Рассматриваются сообщения о систематических, грубых нарушениях прав человека. Примером грубого нарушения прав и свобод человека, может стать, например, ухудшение положения расовых меньшинств, которое проявляется в принудительном выселении, низком уровне условий их жизни; грубые нарушения прав лиц, находящихся в тюрьме или под стражей, связанные с насилием и которые приводят к гибели заключённых.

Важно рассмотреть ещё один аспект, который влияет на уровень защиты прав человека – международная ответственность государств за нарушения прав человека. Меры ответственности зачастую игнорируются государствами, хотя являются обязательными для исполнения, поэтому обеспечить должную эффективность реализации норм достаточно трудно. Тем более, в условиях совершения единичных нарушений прав и свобод, о которых может даже не узнать международное сообщество.

В декабре 2015 года Совет Европы опубликовал доклад, в котором был поднят вопрос неисполнения решений ЕСПЧ. За 2015 год выросло число закрытых дел, вместе с этим вырос показатель неисполненных решений в течение более 5 лет, к концу года этот показатель достиг 55 % от общего количества дел.

³ Постановление ЕСПЧ от 15.07.2002 по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 47095/99). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Данные показатели существенно подрывают авторитет ЕСПЧ. Ярким примером неисполнения государством решений суда, являются дела «Джон Херст против Соединенного Королевства (№. 2)» и «Гринс и М. Т. против Соединенного Королевства», касающиеся избирательных прав заключённых. Постановления ЕСПЧ, в отношении данных дел Великобритании не исполнила.

Более распространённым методом по защите прав и свобод, из упомянутых выше, является – рассмотрение жалоб, так как данная процедура доступна для каждого гражданина и является непосредственным способом восстановления нарушенных прав. Согласно статистике ЕСПЧ на конец 2019 года на рассмотрение суда находилось 59,8 тыс. жалоб, при этом на 2018 год их количество составило – 56 тыс., а на 2017 год – 63, 4 тыс.

Таким образом, эффективность методов реализации международно-правовой защиты прав и свобод человека зависит от степени ответственности государств в выполнении предписаний международных органов. Государства должны сотрудничать в целях создания более эффективного механизма защиты прав и свобод человека. Права и свободы человека являются высшей ценностью, их защита – обязанность каждого государства. На данном этапе развития, человек не может полностью защитить свои права и свободы, в связи с недостаточной эффективностью методов, в том числе неисполнением государствами решений специализированных органов по правам человека, но существует тенденция к совершенствованию защиты механизмов и реализации своих прав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Международное право: учебник для бакалавров / под редакцией Валеева Р.М., Курдюкова Г.И. М.: Статут, 2017.
2. Бекашев К.А., Волосов М.Е. Международное право в схемах: учебное пособие для вузов. М., 2020.
3. Захаров А.В., Масякина Л.С. Об актуальных вопросах международного механизма защиты прав человека // Вестник ТГУ. – 2003. – № 3.
4. Кроткова Н.В. Международные способы защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект // Образование и право. – 2020. – № 2.
5. Мхитарян Л.Ю., Мхитарян А.С. Международный механизм защиты прав человека на региональном уровне // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 3 (78).
6. Небрятенко О.О. Международные региональные механизмы защиты прав человека // ЮП. – 2016. – № 2 (76).
7. Павлык Л.З. Международно-правовая защита прав и основных свобод человека // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2004. – № 2.

8. Правкина И.Н., Семенова М.Н. Международные механизмы защиты прав человека // Вестник науки и образования. 2019. № 6 – 1 (60).

9. Хазов Е.Н., Бердников Н.В. Международно-правовой механизм защиты прав человека в европейском суде по правам человека // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2.

10. Хазова В.Е., Клыга Т.В. Международно-правовая охрана и защита прав человека // Мониторинг правоприменения. – 2012.

РОЛЬ ПРАВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

THE ROLE OF NATIONAL SECURITY LAW IN OUR LIVES

Аннотация: Вопрос о национальной безопасности был всегда в нашей жизни, особенно актуальным данный аспект стал лишь в XX веке, когда началось массовое и достаточно быстрое развитие инновационных технологий, благодаря которым можно было передавать информацию из одной точки мира в другую дистанционно. Созданные демократические правовые институты, сложившаяся структура органов государственной власти и широкое участие политических партий и общественных объединений в реализации Концепции национальной безопасности являются гарантией динамичного развития в современном мире.

Annotation: The issue of national security has always been in our life, this aspect became especially relevant only in the XX century, when the massive and fairly rapid development of innovative technologies began, through which it was possible to transmit information from one point of the world to another remotely. Established democratic legal institutions, the established structure of public authorities and the wide participation of political parties and public associations in the implementation of the National Security Concept are a guarantee of dynamic development in the modern world.

Ключевые слова: национальная безопасность, Российская Федерация, мировая война, секретная информация, современный мир, NSC.

Keywords: national security, Russian Federation, world war, secret information, modern world, NSC.

Наша современная повседневная жизнь стала неразрывно связана с гаджетами: в число которых входят телефоны, ноутбуки, планшеты и т.д. Все это является по истине великими достижениями прогресса, которые упрощают нашу жизнь. Мы можем уже не задумываться о датах рождения наших родственников или о паролях в социальных сетях – все это есть в наших гаджетах, путем синхронизирования устройств и системы облачного хранения. Однако, доступ к такому хранению данных, особенно персональных данных карт или иных важных серверов, является удачным вариантом для совершения преступлений. С помощью нехитрой системы взлома социальных сетей и гаджетов возможно не только

уничтожить репутацию человека, но и украсть его сбережения. Поэтому национальная безопасность является одним самых важных аспектов нашей современной жизни: чтобы защитить мир и способствовать безопасности, мы должны работать над разрешением конфликтов, прежде чем они обострятся и нанесут вред жизненно важным интересам человека и общества.

Концепция национальной безопасности сложилась с социально-экономическим переходом от первоначального человеческого общества в рабовладельческом обществе. В XX веке, когда началось массовое и достаточно быстрое развитие инновационных технологий, благодаря которым можно было передавать информацию из одной точки мира в другую дистанционно, появилась опасность уничтожения и кражи не только персональных данных людей, но и данных государств.

Политика – одно из основных направлений в жизни страны: так люди способны не только реализовать себя и свои мотивы, цели и желания, но и высказать свое отношение к управлению в стране. Такая возможность закреплена в Конституциях или иных высших нормативных актах разных стран мира, и выражена подобная возможность в форме избрания тех или иных лиц на государственные должности. Однако сейчас институт политики имеет явные пробелы и проблемы. «Мир нужно сделать безопасным для демократии» – заявил в далеком 1917 году Вудро Вильсон¹. Данный принцип особенно актуален в наши дни, когда происходит информационное соперничество стран за земельные и иные ресурсы. Все снова упирается в один вывод – необходимо людям, нациям, странам объединяться для дальнейшей работы и безопасности.

Возвращаясь к истории, до Второй мировой войны программы классификации безопасности поддерживались только вооруженными силами и военными государственными ведомствами. Они были разработаны для защиты военных секретов и дипломатической связи. Юридические полномочия для этих программ были основаны на общем административном статуте. В период Великой Отечественной войны также необходимо было сохранять конфиденциальность личных данных, которые были зафиксированы, например, в документах о военно-пересыльных пунктах и запасных полках. В годы после Второй мировой войны многие страны столкнулись с неизбежной ответственностью за мировые дела. Необходимо было восстановить экономический порядок.

В США Агентство национальной безопасности получило свое название официально 4 ноября 1952 года, Президент в Совете национальной безопасности издал директиву о создании Агентства. Секретарь передал полномочия и обязан-

¹ Демократический мир – не причуда неоконсерваторов // URL: <https://inosmi.ru/world/20040916/213019.html>.

ности первому директору; Агентство Национальной Безопасности, в соответствии с доработанной версией Распоряжения Совета Национальной Безопасности о разведке № 9 (от 24 октября 1952 года) или NSC². В 1982 года в США приняли «Закон о защите разведывательных данных»³. Данный закон лишь вносит поправки в «Закон о национальной безопасности» 1947 года, устанавливающие уголовные наказания для любого лица, которое сознательно раскрывает информацию, идентифицирующую тайной. Помимо этого, было установлено еще и максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком на десять лет и/или штрафа в размере 50 000 долларов США для любого лица, которое, получив разрешенный доступ к секретной информации, идентифицирующей тайной, намеренно раскрывает такую информацию. Цель такой деятельности – опасение, что такая деятельность нанесет ущерб деятельности внешней разведки США, раскроет секретную информацию.

Далее, в 2004 году Международная комиссия юристов подтвердила обязательства государств защищать людей от террористических актов и обеспечивать, чтобы «контртеррористические меры всегда принимались со строгим соблюдением принципов законности, необходимости, соразмерность и недискриминация»⁴. Позднее, в 2010 году эти принципы были подтверждены Специальным докладом ООН по вопросам поощрения и защиты прав человека и основных свобод при противодействии терроризму⁵.

Например, в Канаде признается применение закона к силовым ведомствам: Комитет по анализу разведывательных данных (SIRC) подтвердил, что «некоторые из них (данных) являются конфиденциальными и потенциально навязчивыми, поэтому должны соответствовать ... канадским Закона о правах человека»⁶. Согласно Закону о борьбе с терроризмом Специального комитета сената Канады, на практическом уровне это означает, что «[даже] при чрезвычайных

² NSC. Date Views 20.08.2021 // URL: www.wikipedia.org/wiki/NSC.

³ H.R. 4 (97th): Intelligence Identities Protection Act of 1982. Date Views 19.08.2021 // URL: www.govtrack.us/congress/bills/97/hr4.

⁴ International Commission of Jurists, ICJ Declaration on Upholding Human Rights and the Rule of Law in Combating Terrorism // URL: <https://www.refworld.org/docid/41dec1f94.html>.

⁵ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism, Martin Scheinin: Ten areas of best practices in countering terrorism, UNHRC, 16th Sess, UN Doc A/HRC/16/5. 1 (2010) // URL: http://www2.ohchr.org/english/issues/terrorism/rapporteur/docs/A.HRC.16.51_en_AEV.pdf.

⁶ Security Intelligence Review Committee, SIRC Annual Report 1998-1999: An Operational Audit of the Canadian Security Intelligence Service // URL: http://www.sirc-csars.gc.ca/pdfs/ar_1998-1999-eng.pdf.

ситуациях и в ответ на чрезвычайные угрозы, принципы недискриминации должны соблюдаться»⁷.

В 2013 году Япония приняла новый Закон о государственной тайне, который, по словам докладчиков ООН содержит пункты о свободе выражения мнений и прав на здоровье, «включает серьезные угрозы разоблачителям и даже журналистам, сообщающим о секретах»⁸, таким способом правительство рассматривает возможность изменения существующих законов, чтобы повысить секретность данных.

Правительство ЮАР впервые представило законопроект о защите информации ещё в 2008, однако после сильной негативной реакции гражданского общества и средств массовой информации законопроект был отозван, а затем вновь введен в действие в марте 2010 года в качестве защиты государства⁹. Затронуты были следующие пункты: улучшение пороговых значений для классификации информации, разрешение классифицирования коммерческой информации и создание Комитета по рассмотрению различных классификаций данных. Все это строится в совокупности с конституцией государства.

Вернемся к России. Многие документы СССР, как и современной России, относятся к категории государственной тайны. Для сохранения и поддержания национальной безопасности на территории Российской Федерации действует Постановление Правительства РФ от 20 февраля 1995 г. № 170 «Об установлении порядка рассекречивания и продления сроков засекречивания архивных документов Правительства СССР». На основании данного документа и ведется поочередное рассекречивание документов, которые могут представлять угрозу как для человека, чьи данные содержатся в этом документе, так и для общества/страны в целом. Более того, подобные документы регулируют порядок обработки информационных запросов, защищая, прежде всего, интересы граждан Российской Федерации и лиц без гражданства. Этот приказ широко использовался при рассекречивании огромного количества архивных документов.

Таким образом, права на информацию рассматриваются с точки зрения пользователей (т. е. пользователей как граждан, а не только потребителей). Они охватывают множество различных аспектов информационного жизненного

⁷ Senate, Special Senate Committee on the Anti-terrorism Act, Fundamental Justice in Extraordinary Times: Main Report of The Special Senate Committee on The Anti-terrorism Act // URL: <http://www.parl.gc.ca/39/1/parlbus/commbus/senate/com-e/anti-e/repe/rep02feb07-e.pdf>.

⁸ Official (tentative) translation of Japan's Act No. 108 of 2013 on the Protection of Specially Designated Secrets // URL: <https://www.right2info.org/resources/publications/japans-secrecy-law-and-international-standards>.

⁹ Verne Harris, What is still wrong with the Protection of State Information Bill? // NELSON MANDELA FOUNDATION. URL: <http://www.nelsonmandela.org/news/entry/what-is-still-wrong-with-the-protection-ofstate-information-bill>.

цикла, а также роли и обязанности отдельных лиц и сообществ. Такой подход обеспечивает альтернативный способ формулирования текущих информационных проблем, поскольку они связаны с политикой национальной безопасности и гражданскими свободами в более широком смысле.

Способность обеспечить глобальную безопасность, общее процветание и свободу не под силу одной нации. Но действия многих народов часто следуют из действий одного. Мы должны продолжать использовать все пути в партнерстве с теми, кто разделяет наши ценности, чтобы воспользоваться всеми возможностями современного мира и ответить на вызовы национальной безопасности. Мировая ситуация характеризуется тем, что система международных отношений претерпевает динамичную трансформацию. Это твердое и решительное намерение не только Российской Федерации, но и других ранее упомянутых стран поддерживать свою национальную безопасность. Созданные демократические правовые институты, сложившаяся структура органов государственной власти и широкое участие политических партий и общественных объединений в реализации Концепции национальной безопасности являются гарантией динамичного развития в XXI веке.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СЛАБОГО СУБЪЕКТА ПРАВотношений

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF A WEAK SUBJECT OF LEGAL RELATIONS

Аннотация: в юридической доктрине разработана концепция защиты слабой стороны договора. При этом теоретическое осмысление межотраслевых связей «слабого» положения субъектов иных правоотношений нуждается в научном дополнении. Статья имеет цель раскрыть правовую природу «слабости» субъекта как относительных, так и абсолютных правоотношений. Реализация указанной цели проявилась в соотношении следующих смежных категорий: «субъект правоотношения», «сторона правоотношения», «правосубъектность», «правовой статус» и «правое положение». В результатах отмечено, что «слабое» положение субъекта правоотношения выражается в конкретном, фактическом положении субъекта права.

Annotation: in the legal doctrine developed the concept of protection of the weak side of the contract. At the same time, the theoretical understanding of the intersectoral relations of the "weak" position of the subjects of other legal relations needs scientific addition. The author of the article aims to determine the legal nature of the "weakness" of the subject of both relative and absolute legal relations. The implementation of this goal manifested itself in the ratio of the following related categories: "subject of legal relationship", "side of legal relationship", "legal personality", "legal status" and "legal status". In the results of the article, it is noted that the "weak" position of the subject of legal relations is expressed in the specific, actual position of the subject of law.

Ключевые слова: слабая сторона правоотношения, слабый субъект, правосубъектность, правоспособность, дееспособность.

Keywords: weak side of legal relationship, weak subject, legal personality, legal capacity, legal capacity.

В законодательстве РФ не употребляется термин «слабый субъект» правоотношения. При этом термин «слабая сторона» правоотношения является привычным для доктрины права, а также для судебной практики. Т.Т. Шиктыбаев исходит из того, что термин слабая сторона является синонимом термину слабый субъект¹. Не разделяем данных взглядов и считаем необходимым провести дифференциацию терминов «сторона» и «субъект» правоотношения.

А.А. Волос и Е.П. Волос полагают, что слабая сторона присутствует лишь в обязательственных правоотношениях². Терминологическая точность обязывает лишь частично согласиться с указанным суждением. Думается, именование участника правоотношения «стороной» допустимо во всех относительных правоотношениях.

Утверждаем, что «слабость» субъекта права может проявляться не только в относительных, но и в абсолютных правоотношениях. В связи с этим более полным представляется исследование «слабости» субъекта права, а не стороны правоотношения.

Понятие субъекта правоотношения сопряжено с такими правовыми категориями как «правосубъектность», «правовой статус» и «правовое положение». Определение соотношения данных смежных категорий имеет цель раскрыть правовую природу «слабости» субъекта права.

Наиболее удачным видится понятие субъекта права, данное С.С. Алексеевым: субъект права – это лицо, обладающее правосубъектностью, т.е. лицо, потенциально способное быть участником правоотношений³. От обратного сформулировано определение у Т.А. Ермолаева и А.А. Ананьевой: правосубъектность – это способность быть субъектом права⁴. Можно сделать вывод, «субъект права» и «правосубъектность» являются синонимичными понятиями.

Цивилистическая литература богата научными подходами на структуру правосубъектности. Классификация данных подходов отражается в делении научных взглядов на четыре группы: однозвенная, двухзвенная, трехзвенная и четырехзвенная дифференциация элементов правосубъектности.

Однозвенная структура правоспособности сводится к единственно необходимому и достаточному элементу правосубъектности – правоспособности. Иными словами, наделение лица правоспособностью означает признание его субъектом права. Близких взглядов придерживались С.Н. Братусь⁵, В.И. Синайский⁶, С.Ф. Кечекьянов⁷ и другие исследователи.

² Волос А.А., Волос Е.П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография / под науч. ред. Е.В. Вавилина. М.: Проспект, 2021. С. 11.

³ Алексеев С.С. Сбор. соч. в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М., 2010. С. 271.

⁴ Ермолаева Т.А., Ананьева А.А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // Lex russica. 2019. № 12. С. 9.

⁵ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6.

⁶ Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 104.

⁷ Кечекьянов С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 85.

Классическим взглядом представляется двухзвенная структура правосубъектности, состоящая из двух элементов – право- и дееспособности. Ее последователями являются О.А. Красавчиков⁸, О.С. Иоффе⁹ и другие исследователи.

Трехзвенная структура правосубъектности включает в себя помимо право- и дееспособности третий элемент – деликтоспособность или трансдееспособность. Думается, данные элементы не имеют самостоятельного содержания и являются частными проявлениями дееспособности.

Оригинальной представляется четырехзвенная дифференциация И.А. Михайловой¹⁰. Профессор рассматривал правосубъектность как особое правовое явление, представляющее собой взаимосвязанную совокупность общих и специальных элементов. К общим элементам профессор относит право- и дееспособность, к специальным – индивидуальные факторы, влияющие на правосубъектность конкретного лица.

Придерживаемся позиции, что наличие правоспособности достаточно для того, чтобы быть субъектом права.

Во-первых, факт того, что государство дает абстрактную возможность лицу иметь права и обязанности говорит о том, что данное лицо небезразлично для правовой системы и гражданского оборота. Субъект права имеет потенциальную возможность участвовать в правоотношениях. Отсутствие возможности своими действиями приобретать права и обязанности (дееспособность) не влечет умаления правового значения данного лица. Оно сохраняет свое качество субъекта права, наделенного возможностью иметь права и обязанности.

Во-вторых, институты восполнения дееспособности имеют цель не компенсировать отсутствие дееспособности или «восполнить» недостающий элемент правосубъектности, а «защитить права и интересы недееспособных, не полностью дееспособных граждан»¹¹. Иными словами, недееспособный гражданин становится субъектом права не благодаря опекуну, который способствует реализации его прав и обязанностей. Субъект права – это лицо, которое наделено абстрактной возможностью быть участником правоотношения, фактическая реализация данной возможности не влияет на статус лица как субъекта права.

Таким образом, понятие «субъект права» содержательно сводится к понятию «правосубъектность». Сущность правосубъектности и единовременно основной характеристикой субъекта права является правоспособность лица, которая

⁸ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 87.

⁹ Иоффе О.С. Советское гражданское право // Избранные труды: в 4 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 120.

¹⁰ Михайлова Н.А. Соотношение гражданской правосубъектности со смежными правовыми категориями // Гражданское право. 2008. № 1. С. 82.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // Российская газета. № 238-239. Ст. 31.

отражает абстрактную возможность лица быть участником правоотношений. Равенство как принцип права – это равенство правовых возможностей¹². Это означает, что юридическое равенство субъектов права сводится к юридическому равенству правоспособности лиц. Можно сделать вывод, правовая природа «слабости» лица не находится на уровне правосубъектности.

В юридической доктрине и законодательстве не представлено единого понятия «правовой статус».

Не согласимся с В.А. Рыбалко об отсутствии самостоятельного правового значения категории «правовой статус»¹³.

По мнению Р.О. Халфиной, элементом правового статуса является правосубъектность, в частности правовой статус отражает фактическое положение гражданина или организации, а правосубъектность представляет собой предпосылку, предполагаемую возможность участия в правоотношениях.¹⁴ Разделяем представления ученого о понятиях правового статуса и правосубъектности лица. Правовой статус – это фактическая совокупность прав и обязанностей субъекта, которая определяет его положение в правоотношениях. В гражданском законодательстве можно встретить следующее использование терминов: «публичный статус»¹⁵, «статус индивидуального предпринимателя»¹⁶ и др.

Заметим, что определение Р.О. Халфиной правосубъектности как элемента правового статуса неоднозначно. Правосубъектность как способность быть субъектом права видится основанием, предпосылкой, причиной и условием правового статуса. В случае отсутствия у лица статуса субъекта права, данное лицо не может обладать субъективными правами, совокупность которых определяла бы его фактическое положение в правоотношениях. Категория правосубъектности отражает равенство субъектов права, а правовой статус – их отличие.

Заметим, что В.Ф. Яковлев разделяет понятия «правовое положение» и «правовой статус», видя в правовом положении конкретные правовые связи, которые обладают общими чертами, определяющими правовой статус субъекта.¹⁷

¹² Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 132.

¹³ Рыбалко В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (Вопросы теории и практики): Монография. Уфа, 1993. С. 54.

¹⁴ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 115.

¹⁵ Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // Российская газета. № 248. 29.12.1995.

¹⁶ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // Российская газета. № 153-154. 10.08.2001.

¹⁷ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006. С. 66.

Можно сделать вывод, именно в конкретных правоотношениях правовое положение субъекта может являться «слабым» или «сильным». В целом определение правового статуса как «слабого» представляется преждевременным. Правовой статус (например, статус потребителя) презюмируется как слабый, однако фактическое положение может отличаться от общей характеристики статуса. Выявление абстрактных и общих критериев «слабого» правового положения субъекта правоотношения поспособствует реализации общеправового принципа баланса интересов и гражданско-правового принципа равенства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Шиктыбаев Т.Т. Мировоззренческая природа и социологическая сущность защиты слабой стороны в деликтных и иных отношениях // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 2.
2. Волос А.А., Волос Е.П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография / под науч. ред. Е.В. Вавилина. М.: Проспект, 2021.
3. Алексеев С.С. Сбор. соч. в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М., 2010.
4. Ермолаева Т.А., Ананьева А.А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // Lex russica. 2019. № 12.
5. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
6. Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002.
7. Кеченьянов С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
8. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. М., 2005. Т. 2.
9. Иоффе О.С. Советское гражданское право // Избранные труды: в 4 т. СПб., 2004. Т. 2.
10. Михайлова Н.А. Соотношение гражданской правосубъектности со смежными правовыми категориями // Гражданское право. – 2008. – № 1. С. 82.
11. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006.
12. Рыбалко В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (Вопросы теории и практики): Монография. Уфа, 1993.
13. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
14. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN UNRECOGNIZED STATES

Аннотация: в статье анализируются проблемы защиты прав человека в непризнанных государствах, вызванные ограниченной правосубъектностью последних по сравнению с иными субъектами международного права, исследуется на примере практики ЕСПЧ процесс переложения ответственности за нарушение прав человека с непризнанных государств на государства-участников Совета Европы и предлагается принять международного акта, который бы детально регламентировал правовой статус непризнанных государств.

Annotation: the article analyzes the problems of protecting human rights in unrecognized states, caused by their limited legal personality, examines the process of shifting responsibility from unrecognized states to member states of the Council of Europe in the practice of the ECHR and proposes to adopt an international act that would regulate in detail the legal status of unrecognized states.

Ключевые слова: непризнанные государства, ограниченная правосубъектность, права человека, экстерриториальная юрисдикция, международная ответственность.

Keywords: unrecognized states, limited legal personality, human rights, extraterritorial jurisdiction, international responsibility.

Непризнанные государства – это промежуточный статус геополитических образований, которым данные образования наделяются в процессе формирования на международной арене новых первичных субъектов международного права (суверенных государств) с момента официального объявления ими о своей независимости и либо до момента получения ими признания со стороны хотя бы одного государства или сразу со стороны всего международного сообщества в целом (то есть до момента перехода их в статус частично-признаваемых или полностью признаваемых государств), либо до момента их обратного поглощения в состав государств, от которых они ранее пытались отделиться, или включения их в состав иных государств (то есть до момента возвращения или получения ими статуса части территории соответствующего государства, находящейся под его полным контролем).

Изначально возможность появления непризнанных государств и их последующее преобразование в частично или полностью признаваемые государства обуславливались провозглашением в Уставе Организации Объединенных Наций, принятом 26 марта 1945 года (далее – Устав ООН 1945 года), наряду с принципом территориальной целостности государств принципа равноправия и самоопределения народов, который позволял последним самостоятельно выбрать свой политический статус и тем самым вступал в отрицательную корреляцию с первым принципом¹. Это можно увидеть на примере Израиля, который провозгласил о своей независимости в качестве еврейского государства в 1948 году, а также Нагорно-Карабахской Республики (далее – НКР), которая объявила о своей независимости от Азербайджанской ССР в 1991 году и большинство населения которой составляют армяне.

На сегодняшний день появление на международной арене непризнанных государств связывается больше не с этническими, а иными причинами. Например, с несогласием с политическим курсом, проводимым руководством страны, пришедшим к государственной власти в результате государственного переворота, как это имело место с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, провозгласившими о своей независимости от Украины в результате проведения референдумов о самоопределении в 2014 году.

Однако, несмотря на то что юридически появление непризнанных государств стало возможным еще в 1945 году, до сих пор их правовой статус не был детально определен ни в одном международном правовом акте. При этом несомненным является то, что непризнанные государства, как и субъекты международного права, должны соблюдать в своих действиях, во взаимоотношениях друг с другом и с суверенными государствами общепризнанные нормы и принципы международного права и, прежде всего, 10 основных принципов, перечисленных в Уставе ООН 1945 года и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном 1 августа 1975 года, среди которых важное место занимает принцип уважения прав и свобод человека. Но, поскольку в силу непризнания независимости со стороны иных государств государствозподобные образования не имеют дипломатических связей, они наделяются ограниченной правосубъектностью, заключающейся в отсутствии права участвовать в международных переговорах, заключать двусторонние и многосторонние международные акты, в том числе затрагивающие вопросы прав и свобод человека, в возможности лишь одностороннего возложения на себя каких-либо обязательств по данным актам, но без осуществления последующего контроля со стороны международного сообщества за их выполнением.

¹ Дробышева Т.В. Особенности правового положения непризнанных государств (на примере непризнанных государств постсоветского пространства) // Международные отношения. 2019. № 2. URL: https://nbpublish.com/irmag/contents_2019_2.html.

Самостоятельно вступить в ту или иную международную организацию непризнанные государства также не могут, что доказывает ч. 2 ст. 4 Устава ООН 1945 года²: прием государств в члены ООН производится решением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности. Следовательно, отказ любого из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН признать то или иное геополитическое образование в качестве самостоятельного государства может стать препятствием для вхождения его в состав ООН³.

Кроме того, на непризнанные государства не может быть и возложена международная ответственность в случае нарушения ими прав и свобод человека, что доказывает, в частности, практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Так, по делу «Мозер против Республики Молдова и Российской Федерации» (жалоба № 11138/10)⁴ заявитель Б. Мозер жаловался на нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, которое имело место вследствие незаконного применения в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу на основании решений судебных органов Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР). Ответственность за нарушение права, предусмотренного ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, по мнению заявителя, должны были нести Республика Молдова, частью территории которой является ПМР и, следовательно, которая должна отвечать за защиту прав человека в этом регионе, и Российская Федерация, которая осуществляет эффективный контроль за ПМР или, по крайней мере, оказывает на нее решающее влияние. Однако, что интересно, ЕСПЧ, изучив все обстоятельства дела, пришел к выводу, что в действиях властей Республики Молдовы, поскольку последние предприняли все необходимые меры по восстановлению своего контроля в ПМР и приложили все усилия, чтобы обеспечить защиту прав заявителя, не имело место нарушения права на свободу и личную неприкосновенность. Оно наличествовало лишь в действиях властей Российской Федерации, которые продолжили осуществлять экстерриториально юрисдикцию в отношении рассматриваемого региона.

² Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII, М., 1956. С. 14–47.

³ Карташкин В.А. Права человека и непризнанные государства // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2020. № 6. URL: <http://inter-legal.ru/prava-cheloveka-i-nepriznannye-gosudarstva>.

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.02.2016 «Дело «Мозер (Mozer) против Республики Молдова и Российской Федерации» (жалоба № 11138/10) // Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 3.

Схожая ситуация имела место в деле «Чирагов и другие против Армении» (жалоба № 13216/05)⁵, из обстоятельств которого следовало, что заявители – Э. и А. Чираговы, Р. Джембраилов, А. Гасанов, Ф. Пашаев и Г. Джебраилов, являющиеся азербайджанскими курдами, жаловались на то, что в результате оккупационных действий, осуществляемых войсками НКР и Республики Армения, они были лишены возможности вернуться в Лачинский район, воспользоваться находящимся там имуществом и жилищами, а также не получили компенсацию за их утрату. Признавая наличие в данном случае нарушений прав заявителей на уважение жилища и личной и семейной жизни, на уважение собственности, на недопустимость дискриминации и на эффективное средства правовой защиты, ЕСПЧ возложил всю ответственность за данные нарушения на Республику Армению, установив на основании обширной документации, предоставленной заявителями и третьей стороной, властями Азербайджана, факт осуществления Республикой Арменией эффективного контроля в отношении НКР.

В двух вышеперассмотренных случаях ЕСПЧ, желая не допустить возникновения правового вакуума в области защиты прав человека на территории непризнанных государств⁶, привлекает к ответственности за нарушение тех или иных прав и свобод человека государств-членов Совета Европы, выводя из под ответственности непризнанные государства и не способствуя пресечению в дальнейшем появления новых случаев нарушения органами данных геополитических образований прав и свобод человека и гражданина, так как фактически сам виновник остается безнаказанным. При этом, если во втором деле возможность привлечения к ответственности Армению была обусловлена совершением ею наряду с НКР оккупационных действий, то в первом деле переложение ответственности за действия ПМР на Россию без достаточной проверки факта осуществления контроля за данным регионом явилось явным отступлением от принципов международной ответственности: государства должны отвечать за собственное поведение, за действия лиц, которые действуют от их имени, а также за действия иных государств в случае оказания добровольной помощи и содействия в осуществлении деяния, нарушающего международные обязательства⁷.

Следует также отметить, что само получение геополитическим образованием статуса непризнанного государства, а также непрекращающееся стремле-

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16.06.2015 «Дело «Чирагов и другие (Chiragov and Others) против Армении» (жалоба № 13216/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 12.

⁶ Русинова В.Н. «Юрисдикция» и «вменение» в решениях ЕСПЧ, связанных с применением конвенции на территории непризнанных государств: взболтать, но не смешивать? // Международное правосудие. 2016. № 1. С. 69.

⁷ Международное публичное право: учеб. / отв. ред. К. А. Бекяшев. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. С. 193–194.

ние суверенных государств, от которых пытаются отделиться данные образования, вернуть контроль над ними неминуемо ведут к нарушению некоторых прав и свобод человека, а именно, права на гражданство, поскольку документы, удостоверяющие личность, которые выдаются органами непризнанных государств, не являются действительными с точки зрения суверенных государств, и жителям непризнанных государств приходится получать гражданство иных государств; свободы передвижения, что связано с установлением определенных препятствий для въезда на территорию непризнанного государства и выезда с нее; права на жизнь и личную безопасность, так как в самой конфликтной ситуации становится довольно трудно обеспечить надлежащее соблюдение последних и др.⁸

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что рассмотренные выше проблемы защиты прав человека в непризнанных государствах во многом обусловлены наличием неопределенности в правовом статусе непризнанных государств на международной арене, в виду чего их решением могло бы стать принятие международно-правового акта, который бы закрепил перечень прав и обязанностей, принадлежащих непризнанным государствам с момента провозглашения ими своей независимости, установил бы возможность привлечения их к ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дробышева Т.В. Особенности правового положения непризнанных государств (на примере непризнанных государств постсоветского пространства) // Международные отношения. 2019. № 2. URL: https://nbpublish.com/irmag/contents_2019_2.html.
2. Карташкин В.А. Права человека и непризнанные государства // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2020. № 6. URL: <http://inter-legal.ru/prava-cheloveka-i-nepriznannye-gosudarstva>.
3. Международное публичное право: учеб. / отв. ред. К. А. Бекяшев. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005.
4. Прокофьев Н.А. Проблемы международной защиты прав человека, жителей непризнанных государств // URL: <https://pravograd.org/problems-mezhdunarodnoj-zashhity-prav-cheloveka-zhitelej-nepriznannyx-gosudarstv>.
5. Русинова В.Н. «Юрисдикция» и «вменение» в решениях ЕСПЧ, связанных с применением конвенции на территории непризнанных государств: взболтать, но не смешивать? // Международное правосудие. 2016. № 1.

УДК: 349.23/24

Е. А. Крупин, магистрант

⁸ Прокофьев Н.А. Проблемы международной защиты прав человека, жителей непризнанных государств // URL: <https://pravograd.org/problems-mezhdunarodnoj-zashhity-prav-cheloveka-zhitelej-nepriznannyx-gosudarstv>.

© Крупин Е. А., 2022.

Е. А. Krupin, undergraduate
Научный руководитель: к. ю. н., доцент С. В. Шуралева
Supervisor: Ph. D., associate prof. S. V. Shuraleva
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Perm State University
г. Пермь
Perm
E-mail: ego_15@bk.ru

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ КАК УГРОЗА ПРАВАМ ТРУДЯЩИХСЯ

PRECARIZATION OF PLATFORM EMPLOYMENT AS A THREAT TO WORKERS' RIGHTS

Аннотация: В работе рассматриваются определения и признаки платформенной занятости и интернет-платформы, высказывается опасение о приближения такой занятости к неустойчивой занятости. Автор приходит к умозаключению о том, что законодателю необходимо избрать сбалансированный подход к регулированию отношений в области платформенной занятости в силу их особой специфики, стоящей на стыке трудового права и гражданского права.

Annotation: The paper examines the definitions and characteristics of platform employment and Internet platform employment and raises the concern that such employment is approaching precarious employment. The author concludes that the legislator needs to take a balanced approach to the regulation of platform employment due to its specificity, standing at the junction of labour law and civil law.

Ключевые слова: платформенная занятость, интернет-платформа, неустойчивая занятость, цифровая экономика, прекариат.

Keywords: platform employment, internet platform, precarious employment, digital economy, precariat.

Платформенная занятость – новое глобальное явление, неразрывно связанное с категорией «интернет-платформа». Эти феномены произвели революцию в рыночных отношениях, участники которых осознали для себя преимущества информационного развития¹ в виде высокоскоростного и широкого доступа к интернету, облачных сервисов, искусственного интеллекта и иных явлений.

Активно на российский рынок интернет-платформы вошли с началом 2010-х с появлением агрегаторов такси и служб по доставке, сервисов по поиску исполнителей. Агрегаторы такси и службы по доставке относятся к такому виду платформенной занятости, как «работа по запросу посредством приложений», то

¹ Чесалина О.В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 13.

есть к работе, предлагаемой посредством мобильных приложений². Аналогичные сервисы за рубежом, предоставляющие работу по запросу посредством мобильных приложений, стартовали в этом же промежутке.

Сервисы по поиску исполнителей относятся к краудворк – работе, организуемой при помощи таких интернет-платформ, которые соединяют фирмы и физических лиц независимо от их удаленности³. Краудворк-сервисы на данный момент более развиты в других странах, преимущественно в США⁴, но российские значительно наращивают количество пользователей в последние годы⁵.

Пандемия COVID-19 стала катализатором расширения сферы деятельности интернет-платформ. Она вынудила оставшуюся часть хозяйствующих субъектов, не перешедших к использованию интернет-платформ, обратиться к ним. Рост отмечается как в части предложения интернет-услуг, так и в части их спроса⁶. Есть прогнозы, что российский рынок фриланса вырастет к 2025 году до 102 млрд долл⁷. Тем не менее, однозначно судить об устойчивости роста в сфере платформенной занятости пока рано: такая сфера сейчас сложно поддается статистике, это отмечается как в научных исследованиях⁸, так и социологами в интервью⁹. Все это указывает на необходимость формирования терминологического аппарата, выработки качественного правового регулирования данных общественных отношений.

В некоторых нормативно-правовых актах федерального уровня имеется упоминание видов интернет-платформ. Государство признает их наличие, но не стремится дать четкое определение явлению, что является упущением для регулирования сферы цифровой экономики. В решении Высшего Евразийского экономического совета упоминается цифровая платформа, под которой понимается система средств, которая поддерживает использование цифровых процессов,

² Шуралева С.В. Работники в «облаках»: влияние интернет-платформ на развитие трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 16.

³ Шуралева С.В. Указ соч. С. 16.

⁴ Там же.

⁵ Чесалина О.В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 109.

⁶ Мингалева Ж.А., Шуралева С.В. Дистанционная занятость на онлайн интернет-платформах: современное состояние и проблемы правового регулирования в России // Ex jure. 2021. № 2. С. 109.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Синявская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П., Горват Е.С., Грищенко Н.Б., Гудкова Т.Б., Карева Д.Е. Платформенная занятость: определение и регулирование. М., 2021.

⁹ Как цифровые платформы меняют рынок труда и занятость населения // Российская газета // URL: <https://rg.ru/2021/07/06/reg-ufo/kak-cifrovye-platformy-meniaiut-rynok-truda-i-zaniatost-na-seleniia.html>.

ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и которая обеспечивает возможность их бесшовного взаимодействия¹⁰. Очевидно, что здесь цифровая платформа понимается в широком смысле, что затрудняет использование указанного определения в правоприменительной практике.

В доктрине существуют попытки к определению понятия интернет-платформы, но комплексного исследования по данной теме не проводилось. Удачным видится определение интернет-платформы как комплекса технологических решений в интернет-пространстве на основе сочетания программных алгоритмов (компьютерных кодов), компьютерного технологического оборудования, «облачных» вычислений, больших баз данных, а также других цифровых технологий¹¹.

Платформенная занятость относительно новое явление, находящееся в стадии своего формирования. В качестве ее главных характеристик следует назвать: трехсторонность правоотношений; смещение экономических рисков на занятого; наличие «алгоритмического» контроля со стороны владельца интернет-платформы; маргинализация занятости¹²; беспрецедентная мобильность и свобода; возможность глобальной конкуренции; инклюзивность; гибкость¹³; неустойчивость занятости¹⁴.

Отечественные суды¹⁵, представители исполнительной власти¹⁶, владельцы платформ стоят на позиции признания платформенной занятости в качестве гражданских правоотношений, когда ряд ученых находит в такой занятости явные элементы трудового правоотношения¹⁷. Отметим, однако, что чаще всего трудовые элементы встречаются в работе по запросу посредством приложений, тогда как в рамках краудворк отношения в большей степени соответствуют гражданско-правовым.

Существует мнение, что такую занятость можно рассматривать как некое третье явление, основанное на новой форме зависимости (совокупности личной,

¹⁰ Аппазов Д.А., Тымчук Ю.А. Цифровая платформизация в условиях Индустрии 4.0: неопределенность понятийного аппарата // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 35.

¹¹ Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25.

¹² Чесалина О.В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 13.

¹³ Шуралева С.В. Указ. соч. С. 16–17.

¹⁴ Акманов Д.Р. Платформенная занятость: проблемы и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 398–399.

¹⁵ Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «Уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 155.

¹⁶ Шуралева С.В. Указ. соч. С. 17–18.

¹⁷ Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Указ. соч. С. 157.

экономической и алгоритмической). Однако такое правовое регулирование платформенной занятости не реализуемо в отечественных условиях. Кроме того, трудно сформулировать универсальное правовое регулирование для всех занятых в рамках интернет-платформ, ведь такие лица не образуют единую группу, находясь в разных фактических состояниях (от самостоятельного труда до промежуточного положения, в т.н. «серой зоне»)¹⁸.

Поспешное правовое регулирования данной сферы общественных отношений может причинить вред сектору цифровой экономики, что повлечет излишние расходы у российских предпринимателей, а также отказ компаний от цифровой трансформации из-за созданных законодателем препятствий при входе на рынок¹⁹.

Одновременно нужно не только грамотно определить статус занятых на интернет-платформах, но и дать им достаточный перечень прав и гарантий, не позволяющий «скатиться в пропасть» прекаризации. Неустойчивая (прекарная) занятость характеризуется социальной незащищенностью, отсутствием социально-трудовых гарантий, лишением стабильности и уверенности в будущем²⁰. Речь не всегда идет о том, что прекарная занятость недостаточно обеспечивает занятого в вопросах материального вознаграждения. Главный фактор здесь – «социальная зыбкость», непредсказуемость перспектив. То, что занятые на интернет-платформе могут «скатиться» в прекариат, отмечается и учеными²¹.

Прекаризация экономически активного населения опасна, поскольку формирует из числа занятых социальный слой, склонный к нестабильности, что чревато ростом трудовых протестов²². Такой слой истощен эмоционально и экономически, что провоцирует его к скрытому социальному конфликту²³. Эти обстоятельства могут сказаться на стойкости государственной экономики и стабильности общественных отношений.

Таким образом, важно предоставить занятым в сфере интернет-платформ конкретные гарантии, четко закрепив их правовой статус. Особенности правового регулирования работы по запросу посредством приложений возможно зафиксировать в отдельной главе Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ). К занятости в области краудворк следовало бы подойти более осторожно, поскольку в ней больше гражданско-правовых элементов, и регулировать ее посредством

¹⁸ Чесалина О.В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 113.

¹⁹ Аппазов Д.А., Тымчук Ю.А. Указ. соч. С. 38.

²⁰ Вострокнутов Е.В., Найденова Л.И., Осипова Н.В. Появление прекариата - новая тенденция к изменению социальной структуры общества (обзор результатов исследований современных социологов) // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 9.

²¹ Шуралева С.В. Указ. соч. С. 18.

²² Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Указ. соч. С. 151.

²³ Вострокнутов Е.В., Найденова Л.И., Осипова Н.В. Указ. соч. С. 93.

норм ТК РФ кажется нам противоречием. Считаем, что уместнее было бы принять отдельный федеральный закон. Это позволит таким занятым ощутить уверенность в своем социально-экономическом положении, а также гармонизирует большую часть цифровой экономики государства, сделает ее стабильной и защищенной, что скажется на устойчивости общества в целом. Органам власти следует сконцентрировать усилия на тщательном анализе платформенной занятости, обратившись к доктрине трудового и гражданского права, поскольку платформенная занятость – комплексное явление, вобравшее в себя аспекты как трудовых отношений, так и гражданско-правовых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акманов Д.Р. Платформенная занятость: проблемы и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14.
2. Аппазов Д.А., Тымчук Ю.А. Цифровая платформизация в условиях Индустрии 4.0: неопределенность понятийного аппарата // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4.
3. Вострокнутов Е.В., Найденова Л.И., Осипова Н.В. Появление прекариата - новая тенденция к изменению социальной структуры общества (обзор результатов исследований современных социологов) // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 9.
4. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3.
5. Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «Уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6.
6. Мингалева Ж.А., Шуралева С.В. Дистанционная занятость на онлайн интернет-платформах: современное состояние и проблемы правового регулирования в России // Ex jure. 2021. № 2.
7. Синявская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П., Горват Е.С., Грищенко Н.Б., Гудкова Т.Б., Карева Д.Е. Платформенная занятость: определение и регулирование. М., 2021.
8. Чесалина О.В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1.
9. Чесалина О.В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1.
10. Шуралева С.В. Работники в «облаках»: влияние интернет-платформ на развитие трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. №1.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

FORMATION AND DEVELOPMENT OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS: INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Аннотация: в данной статье рассматривается процесс становления и развития прав и свобод человека через основные события мировой истории, произошедшие после Второй мировой войны и оказавшие наибольшее влияние на формирование того перечня прав и свобод человека, который есть сейчас. Кроме того, в статье анализируются действующие на сегодняшний день акты, в которых закрепляются права и свободы человека.

Annotation: this article examines the process of the formation and development of human rights and freedoms through the main events of world history that occurred after the Second World War and which had the greatest influence on the formation of the list of human rights and freedoms that exists today. In addition, the article analyzes the acts in which human rights and freedoms.

Ключевые слова: права человека, свободы человека, перечень прав и свобод, общепринятые права.

Keywords: human rights, human freedoms, list of rights and freedoms, generally accepted rights.

Права человека – это неотъемлемая возможность осуществлять активное действие, направленное на реализацию его интересов или воздерживаться от совершения каких-либо действий. Большая часть прав принадлежит человеку уже при его рождении, а некоторые приобретаются им при достижении определенного возраста или же в силу наличия гражданства.

Свободы человека – это возможности человека совершать любое активное действие: исповедование любой религии, выбора места жительства и т.д.

Законодательство любой страны устанавливает механизмы реализации прав и свобод для их граждан, а также ответственность за их нарушение или ограничение. Как правило, права и свободы могут быть ограничены, но это возможно лишь по решению суда (например, человек признан виновным в соверше-

нии преступления) или при наличии экстренных обстоятельств (например, введение ограничений в передвижении граждан в 2020 году во время эпидемии COVID-19)¹.

Однако анализ исторического аспекта развития нормативно-правового регулирования прав человека свидетельствует о том, что возведение прав человека в высшую ценность, и отнесение обязанности их соблюдения к обязательствам *erga omnes* произошло сравнительно недавно.

Впервые понятие «прав человека» встречается в 1789 году в «Декларации прав человека и гражданина»². Происходит это после Великой французской революции. Благодаря этой декларации впервые были внесены права человека в публичное право, приобретя общемировое звучание, и легли в основу обновления общественных и государственных порядков в будущем³.

Вопрос о правах и свободах человека всегда являлся достаточно острым. Связано это с тем, что развитие человечества – это сложный исторический процесс, который никогда не проходит гладко, а всегда сопровождается борьбой, сопротивлением и насилием⁴. Ярким тому примером может служить вторая мировая война, когда все известные права и свободы человека были нарушены. Начиная войну, Гитлер руководствовался следующими положениями идеологической теории: закон биологической гравитации, закон автаркии и идеи великой арийской расы. Если анализировать данную теорию, то она нарушает все возможные права и свободы человека. Гитлер стремился возвысить одну нацию над другой, а также сплотить немецкий народ. Так как главным противником Германии был Советский Союз, а в ВКП(б) также были евреи, но они часто отказывались от веры, а иногда и народности во благо «коммунистического будущего». Поэтому произошло объединение врага в миф «о жидо-большевизме», что придало войне против СССР сакральный характер⁵. Однако не меньшему уничтожению подверглись евреи, которые жили не на территории СССР, а также и цыгане. Своей теорией Гитлер нарушал самое главное право человека – право на жизнь.

¹ О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае: Указ губернатора Пермского края № 121 от 20.08.2020 // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. № 34. 24.08.2020.

² Декларация прав и свобод человека и гражданина: принята депутатами Генеральных штатов от 24.08.1789 // URL: <http://cuf.spbu.ru/PDF/2016/doc2.pdf>.

³ Лукашева Е.А. Права человека: учебник. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. 1999. С. 42.

⁴ Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколение «прав человека» // Научные ведомости. Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). С. 120.

⁵ Цепко Д. Почему Гитлер проводил Холокост? // URL: <https://worldofhistory.ru/pochemu-gitler-provodil-holokost/>.

Лишь огромное количество жертв, понесенных во время военных действий, заставило задуматься мир о том, что права и свободы человека являются наивысшей ценностью, нарушение которых, может привести к непоправимым последствиям. Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948 года приняла Всеобщую декларацию прав человека⁶. Это декларация включает в себя тот минимум прав, которым должен обладать гражданин в каждом правовом государстве. Сама декларация хоть и не носит обязательного характера, но многие страны цитируют или включают ее положения в свое законодательство.

Благодаря Всеобщей декларации прав человека все люди на планете уравнились в общепризнанных правах человека. Например, Конституция Индии 1950 года признала равноправие каст и юридическое полноправие неприкасаемых. Ст. 17 Конституции запрещается употреблять понятие «неприкасаемые» и определяет дискриминацию по признаку неприкасаемости как уголовно наказуемое⁷. Хотя Индия является демократическим государством, но проблема дискриминации людей из низших каст, неприкасаемых серьезно. Кастеизм является основной жизни многих индийцев, которые проживают за пределами крупных городов. Именно по этой причине сохраняется дифференциация по кастам, а также запреты. Окончательно избавиться от деления на касты будет трудно, но последующие поколения будут воспитываться в более демократической среде, чем сейчас.

В 1950 году между странами – участницами Совета Европы было заключено международное соглашение – Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека)⁸. Конвенция устанавливает перечень неотъемлемых прав и свобод человека и обязывает государства, которые ратифицировали Конвенцию, гарантировать права и свободы каждому, кто находится под их юрисдикцией.

Помимо перечня прав и свобод, гарантируемых Конвенцией, указанный документ содержит механизм контроля исполнения государствами принятых на себя обязательств. Таким механизмом является возможность обращения с жалобой в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

Любой гражданин, который считает, что его права и свободы были нарушены, может обратиться в ЕСПЧ. Создание подобного суда демонстрирует, что права и свободы человека являются наивысшей ценностью для всех правовых государств.

⁶ Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 217 А (III) от 10.12.1948 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

⁷ Конституция Индии (принята учредительным собранием 26.11.1949) // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=28>.

⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод: принята Советом Безопасности от 04.11.1950 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045>.

В 1966 году в качестве дополнения к Всеобщей декларации прав человека были приняты два Международных пакта, которые являются обязательными юридическими документами и в отличие от Всеобщей декларации прав человека, не носят рекомендательного характера: пакт о гражданских и политических правах⁹, а также пакт об экономических, социальных и культурных правах¹⁰.

Пакт о гражданских и политических правах закрепил широкий перечень прав и свобод человека: 27 статей, содержащих основные права, которые включают в себя право на жизнь, на свободное передвижение, на свободу слова, права детей и другие. Перечень прав, содержащихся в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах несколько меньше. Он закрепляет права, связанные с трудовыми отношениями, частично — в семейных и права, связанные с культурной сферой (образование, наука).

Благодаря пактам на мировом уровне закрепили ряд прав и свобод, на которые человек имеет право с самого момента своего рождения. Пакты не позволяют государствам устанавливать законы, которые будут противоречить общепризнанным принципам международного права.

Как отмечает Р.М. Юсупов в своем автореферате, в международно-правовых актах, содержащих основные права и свободы, а также общечеловеческие ценности, права и свободы представлены, прежде всего, в качестве этических ориентиров для международного сотрудничества¹¹.

С мнением указанного автора трудно не согласиться. Рассматриваемый нами перечень права и свобод, является стимулом и целью для каждого из государств. Подтверждением этого является важное положение, отраженное во Всеобщей Декларации, где говорится следующее: «в постоянно меняющемся мире Всеобщая декларация прав человека остается тем этическим компасом, который указывает путь к решению стоящих перед нами сегодня задач». Поэтому нам не стоит забывать о тех правах, которые указаны в описанных выше актах, ведь внести эти права в национальное законодательство еще не означает создать те условия, при которых эти права могут быть реализованы любым гражданином в любой стране. Уважение прав человека является важным условием международного мира и всеобщего прогресса. Закрепление механизма защиты прав и свобод

⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией Генеральной Ассамблеи 2200 А (XXI) от 16.12.1966 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

¹⁰ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2200 А (XXI) от 16.12.1966 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

¹¹ Юсупов Р.М. Общечеловеческие ценности и права человека: международно-правовой аспект: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 4.

человека ставит перед государствами одну задачу – ценить, уважать права каждого человека, не проводя никакого деления. Каждый гражданин должен ощущать, что его права и свободы защищены от нарушения со стороны 3-х лиц или же другого государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Лукашева Е.А. Права человека: учебник. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999.
2. Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколение «прав человека» // Научные ведомости. Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14 (211).
3. Стремоухов А.В. Генезис прав человека в международном праве. // Научный журнал на тему: Естественные и точные науки, Техника и технологии, Медицинские науки и общественное здравоохранение, Сельскохозяйственные науки, Социальные науки. – Т. 3. – 2017.
4. Цепко Д. Почему Гитлер проводил Холокост? // URL: <https://worldofhistory.ru/pochemu-gitler-provodil-holokost/>.
5. Юсупов Р.М. Общечеловеческие ценности и права человека: международно-правовой аспект: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

**ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ,
ВСТУПАЮЩИХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
В ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ХАРАКТЕРА, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF NON-STATE ACTORS
ENTERING INTO PRIVATE INTERNATIONAL RELATIONS WITH
THE UNITED NATIONS, AND WAYS TO SOLVE THEM**

Аннотация: в статье рассматриваются существующие правозащитные механизмы неформальной системы отправления правосудия Организации Объединенных Наций, предназначенные для разрешения споров с ее сотрудниками. Особое внимание уделяется возможности расширения их предметной юрисдикции в отношении граждан и организаций, вступающих с Организацией Объединенных Наций в частноправовые правоотношения международного характера, с целью обеспечения должной реализации их прав на защиту.

Annotation: the article examines the existing human rights mechanisms of the informal human rights system of the United Nations, designed to resolve disputes with its staff. Particular attention is paid to the possibility of expanding their substantive jurisdiction over citizens and organizations entering into private law relations of an international nature with the United Nations in order to ensure the proper exercise of their rights to protection.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, абсолютный иммунитет, негосударственные акторы, внутренняя правозащитная система Организации Объединенных Наций.

Keywords: United Nations, absolute immunity, non-state actors, United Nations internal justice system.

В процессе участия в гражданско-правовых отношениях, у всех субъектов правоотношений по общему правилу возникают взаимные права, обязанности и ответственность. Организация Объединенных Наций и ее специализированные

учреждения регулярно выступают сторонами международных договоров, поэтому, исходя из общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda*, невыполнение этими организациями взятых на себя обязательств, влечет за собой международно-правовую ответственность. Тем не менее практика свидетельствует о том, что этот принцип не выполняется ввиду особенностей правовой природы юрисдикционного иммунитета ООН.

На сегодняшний день судебная практика насчитывает массу прецедентов, где права заявителей были нарушены из-за признания судами абсолютного иммунитета ООН¹. Такое положение вещей фактически обуславливает невозможность привлечения организации к ответственности и ставит ее в привилегированное положение по отношению к другой стороне в споре, нарушая принцип равноправия субъектов в частноправовых отношениях.

Вместе с тем, создавая невозможность защиты прав граждан в судебном порядке, ООН демонстрирует явное нарушение главы 29 Конвенции о привилегиях и иммунитетах, которая обязывает организацию предоставлять альтернативные механизмы для разрешения споров по вопросам частного права, в которых Объединенные Нации являются стороной. Однако, прецедентная практика указывает на явное игнорирование организацией своих обязательств.

Усиление правозащитного вызова концепции абсолютного иммунитета публичных образований порождает необходимость пересмотра концепции применения абсолютного иммунитета и к ООН.

Полагаем, отход концепции абсолютного иммунитета в пользу доктрины ограничительного иммунитета в частноправовых отношениях будет способствовать созданию равных условий для всех субъектов таких правоотношений.

Достижение этого возможно, как минимум, на двустороннем уровне, т.е. на основе межгосударственных соглашений (между правительством страны-пребывания и организацией). Другим, более универсальным способом такой унификации, видится заключение многостороннего международного договора, который бы четко устанавливал круг общественных отношений, где организация не сможет ссылаться на иммунитет и будет нести ответственность по своим обязательствам. Примером такого международного договора может стать Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств 2005 г.

Однако национальные суды – не единственная форма защиты прав. Тенденции к мирному урегулированию споров посредством внутренней системы разрешения споров в организациях становятся все более актуальными. Сегодня все наиболее авторитетные международные межправительственные организации

¹ Growth Energy and Renewable Fuels Association v. Council of the European Union: judgment of the Gen. Court, 9 June 2016, case T-276/13 // URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62013TJ0276&from=EN>.

имеют механизмы для разрешения споров, в том числе и с негосударственными акторами.

Существующие правозащитные механизмы, реализуемые в рамках системы ООН, призваны регулировать частноправовые споры, возникающие с действующими или бывшими сотрудниками организации, однако не существует механизма, регламентирующего порядок защиты прав негосударственных акторов². Таким образом, национальные суды им не доступны в виду абсолютного иммунитета организации, а внутренняя система ООН вообще не рассматривает данных субъектов, как имеющих право на защиту.

Анализ внутренней правозащитной системы ООН позволяет заключить, что уже существует достаточный массив правовых средств защиты для сотрудников организации, который финансируется, отлично функционирует и не является перегруженным. Вполне рациональным видится регламентация доступа к альтернативным способам разрешения споров и негосударственных акторов.

Для реализации этого предложения необходима разработка документа (типового положения), регламентирующего порядок и объясняющего алгоритм действий субъектов, в случае возникновения какого-либо спора, а также последующего включения соответствующих типовых положений о разрешении споров в правовые акты либо договоры.

Полагаем, вышеизложенные предложения позволят создать для всех субъектов, вступающих с ООН в частноправовые отношения, надлежащие условия для реализации их прав на защиту, ведь, как написано в гайде для разрешения споров с сотрудниками организации – «To build a world of justice, we must be just», что означает «чтобы построить справедливый мир, мы должны быть справедливыми».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. A staff member's guide to resolving disputes // URL: <https://www.un.org/en/internaljustice/assets/pdf/StaffMembersGuideToResolving-Disputes.pdf>.
2. Freedman R. UN Immunity or Impunity? A Human Rights Based Challenge // The European Journal of International Law. Oxford, 2014. P. 16.
3. UN Secretary General letter to congresswoman Maxine Waters: 05.07.2013. Institute for Justice & Democracy in Haiti // URL: <http://www.ijdh.org/wp-content/uploads/2013/07/UNSG-Letter-to-Rep.-Maxine-Waters.pdf>.

² Freedman R. UN Immunity or Impunity? A Human Rights Based Challenge // The European Journal of International Law. Oxford, 2014. P. 16.

4. *Urban v. United Nations*, 768 F.2d 1497 (D.C. Cir. 1985) // URL: <https://casetext.com/case/urban-v-united-nations>.

5. *Growth Energy and Renewable Fuels Association v. Council of the European Union*: judgment of the Gen. Court, 09.07.2016, case T-276/13 // URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62013TJ0276&from=EN>.

ПРОБЛЕМЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ КРИОКОНСЕРВИРОВАННЫМ ЭМБРИОМ ПОСЛЕ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА МЕЖДУ ЕГО ГЕНЕТИЧЕСКИМИ РОДИТЕЛЯМИ

PROBLEMS OF DISPOSAL OF CRYOPRESERVED EMBRYOS AFTER THE DISSOLUTION OF MARRIAGE BETWEEN GENETIC PARENTS

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с репродуктивными правами человека, развитием вспомогательных репродуктивных технологий, правовым регулированием отношений, возникающих по поводу криоконсервированных эмбрионов и спорах о правах на них, исследуется правоприменительная практика разных стран, ЕСПЧ.

Annotation: the article deals with discusses issues related to reproductive human rights, the development of assisted reproductive technologies, the legal regulation of relations arising from cryopreserved embryos and disputes over rights to them, examines the law enforcement practice of different countries, the ECHR.

Ключевые слова: право, международное право, права человека, вспомогательные репродуктивные технологии, криоконсервация эмбрионов.

Keywords: law, international law, human rights, assisted reproductive technologies, embryo cryopreservation.

На современном этапе развития вспомогательных репродуктивных технологий широко применяется экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО). При этом особенность данной процедуры заключается в том, что в ходе проведения нередко имеет место зачатие нескольких эмбрионов, из которых только один или два эмбриона переносятся в матку женщины. Остальные же эмбрионы, как правило, подвергаются криоконсервации для возможного использования в дальнейшем той же парой для последующих попыток ЭКО, поскольку это позволяет не подвергать женщину повторной процедуре овариальной стимуляции, а перенести ей уже «готовые» эмбрионы, сохраненные путем криоконсервации.

Вместе с тем, правовое регулирование отношений, возникающих по поводу криоконсервированных эмбрионов, на данный момент является несовершенным. В данном контексте необходимо отметить, что право на криоконсерва-

цию своих половых клеток и полученных из них эмбрионов, как и другие репродуктивные права человека, еще не получило полноценного закрепления на международно-правовом уровне. Вместе с тем, представляется возможным согласиться с высказываемым в научной литературе мнением, согласно которому репродуктивные права существуют на основе фундаментальных норм международного права, закрепляющих личные права человека¹. Одним из важнейших международно-правовых актов в данной сфере является Пакт о гражданских и политических правах 1966 г., в котором закреплены такие базовые права человека, как, например, право на жизнь (ст. 6), неприкосновенность личной и семейной жизни (ст. 17)². В ст. 12 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. закреплено право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья³. От перечисленных прав человека, в свою очередь, производны и репродуктивные права. Многие авторы выделяют репродуктивные права в отдельную группу и причисляют их к четвертому поколению прав человека. На данном этапе репродуктивные права только начинают получать законодательное закрепление. При этом более частные вопросы, в том числе связанные с распоряжением криоконсервированными эмбрионами, зачастую остаются неурегулированными.

Так, в российском законодательстве и подзаконных нормативных актах не урегулирован вопрос о том, каким образом должна определяться судьба эмбриона в случае расторжения брака между лицами, из половых клеток которых был зачат эмбрион. Особенно сложным является решение данного вопроса в случаях, когда бывший супруг не дает согласие на перенос эмбриона бывшей супруге, у которой на момент спора полностью истощен овариальный резерв и единственной возможностью рождения генетически родного для нее ребенка является перенос указанного эмбриона.

Следует отметить, что данный вопрос, несмотря на активное обсуждение в современном обществе и в научных кругах ряда проблем, связанных с вспомогательными репродуктивными технологиями, все еще остается практически не освещенным в научной литературе, что также свидетельствует о его актуально-

¹ Лебединская А.С., Тишаков М.П. Четвёртое поколение прав человека: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 433–438.

² Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

сти. Правоприменительная практика, связанная со спорами между бывшими супругами по поводу прав на криоконсервированный эмбрион, достаточно немногочисленна и при этом носит противоречивый характер: при аналогичных обстоятельствах одни суды встают на сторону того из супругов, который отказывается в даче согласия на перенос эмбриона, а другие – напротив, выносят решение в пользу бывшей супруги, желающей использовать криоконсервированный эмбрион.

В качестве примера можно привести дело «Дэвис против Дэвис», рассмотренное в США еще в 1992 году. Суд пришел к выводу, что споры по поводу судьбы эмбрионов надлежит разрешать на основе соглашения между супругами, к которому они пришли еще на момент криоконсервации. В случае, если такое соглашение отсутствует, более значимыми, по мнению суда, должны признаваться интересы той стороны, которая выступает против переноса эмбриона и последующего рождения ребенка. Исключением из данного правила, как указал суд, является ситуация, когда у другой стороны отсутствует возможность стать родителем иным образом (без использования спорных эмбрионов); если такая возможность отсутствует, то приоритет должен отдаваться интересам стороны, желающей использовать эмбрионы для достижения беременности и рождения ребенка.

В данном решении, как можно заметить, судом достаточно подробно и последовательно излагаются возможные варианты развития ситуации. Представляется, что такой подход является правильным и справедливым, поскольку учитывает и тот вариант развития событий, когда у стороны, требующей передачи ей эмбрионов, отсутствует возможность рождения родного ребенка (без использования, например, донорских яйцеклеток) каким-либо иным образом.

Вместе с тем, как отмечалось выше, судебная практика по подобным спорам носит крайне противоречивый характер. Так, по делу «J.V. v. M.V.», также рассмотренному в США, супругами было еще до расторжения брака заключено соглашение, в котором предусматривалось, что в случае расторжения брака между ними эмбрионы передаются бывшей супруге, которая имеет право на имплантацию такого эмбриона вне зависимости от наличия или отсутствия согласия на то бывшего супруга. Однако, когда после расторжения брака между бывшими супругами возник спор по поводу указанных эмбрионов, суд пришел к выводу о недействительности заключенного ими ранее соглашения, обосновав это тем, что указанное соглашение предполагает «принудительное деторождение», поскольку ребенок будет рожден вне зависимости от согласия на это со стороны бывшего супруга.

Интерес представляет и российская судебная практика по спорам о правах на криоконсервированные эмбрионы. Так, по одному из дел бывший супруг требовал расторжения заключенного им ранее с супругой (когда они еще состояли в браке) соглашения о том, что в случае расторжения брака право определять судьбу эмбрионов принадлежит супруге. Суд пришел к выводу о том, что данное соглашение не нарушает прав бывшего супруга, с учетом того, что оно было подписано им добровольно и при подписании соглашения он имел возможность предложить иные варианты определения судьбы эмбрионов⁴. В данном решении выражен противоположный подход по сравнению с тем, что был сформулирован американским судом по делу «J.V. v. M.V.», в рамках которого аналогичное соглашение супругов было признано недействительным.

В законодательстве некоторых зарубежных стран присутствуют положения, регулирующие отношения сторон в случае возникновения подобных споров. Так, в Дании, Франции, Греции, Нидерландах, Швейцарии, Бельгии, Финляндии и Исландии предусмотрено право любого из супругов отозвать свое согласие в любой момент до имплантации эмбриона женщине. В Болгарии при отсутствии специального соглашения об обратном женщина может пройти процедуру ЭКО, несмотря на смерть партнера либо расторжение отношений. В Австрии и Эстонии согласие мужчины может быть отозвано им только до момента оплодотворения, после чего решение о продолжении или прекращении процедуры может принимать только женщина. В Исландии эмбрионы уничтожаются, если пара расторгает отношения до истечения максимального срока хранения эмбрионов.

Следует отметить, что ЕСПЧ воздерживается от высказывания четкой позиции по данному вопросу. В качестве примера можно привести постановление ЕСПЧ по делу «Эванс против Соединенного королевства». Заявительница указала, что законодательство Соединенного Королевства позволило ее бывшему сожителю отозвать свое согласие на хранение и использование ею эмбрионов, зачатых ими совместно. В обоснование своей позиции заявительница ссылаясь на ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на жизнь), а также на ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и ст. 14 Конвенции (запрещение дискриминации). ЕСПЧ пришел к выводу, что данный вопрос находится в рамках свободы усмотрения национального законодателя, а, следовательно, какие-либо нарушения Конвенции отсутствуют⁵.

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 24.03.2015 по делу № 33-940 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ По делу «Эванс (Evans) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05): Постановление ЕСПЧ от 10.04.2007. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что супруги должны иметь возможность урегулировать отношения, возникающие между ними по поводу криоконсервированных эмбрионов, в том числе на случай расторжения брака. При этом наделение одной из сторон правом использовать эмбрион независимо от согласия второй стороны видится вполне допустимым, поскольку цель соглашения заключается именно в том, чтобы урегулировать спорные отношения на случай, когда одна из сторон отказывается в даче согласия на перенос криоконсервированного эмбриона. В случае же отсутствия такого соглашения наиболее логичным было бы руководствоваться подходом, выраженным в решении по делу «Дэвис против Дэвис»: если у стороны, желающей использовать эмбрионы для достижения беременности и рождения ребенка, отсутствует возможность стать родителем иным образом, то именно интересам этой стороны надлежит отдавать приоритет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. 2017. № 12 (252).
2. Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколений «прав человека» // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2015. № 14 (211).
3. Соловьев Е.Г. Репродуктивные права как элементы конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010.
4. *Davis v. Davis* (1992). 842 S.W.2d 588 // URL: <https://embryo.asu.edu/pages/davis-v-davis-1992>.
5. *J.B. v. M.B.* (2001 WL 909294) // URL: https://biotech.law.lsu.edu/cases/cloning/JB_v_MB.htm.

А. С. Мхитарян, главный специалист
отдела по взаимодействию с исполнительными
органами государственной власти,
местного самоуправления и институтами гражданского
общества Аппарата Уполномоченного
по правам человека в Пермском крае
A. S. Mhitaryan, chief specialist
of the Department for interaction with the executive
public authorities, local government and civil institutions
in Office of the ombudsman in the Perm region
г. Пермь
Perm
E-mail: mhitaryanAS@yandex.ru

НАРУШЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА: ПРАКТИКА ЕСПЧ ПО ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

VIOLATION OF A PERSON'S PRIVATE LIFE: THE PRACTICE OF THE ECHR ON THE QUESTION OF PERSONAL DATA PROTECTION

Аннотация: В исследовании проанализирована актуальная судебная практика Европейского Суда по вопросу защиты персональных данных индивида в контексте реализации его права на неприкосновенность частной жизни. Автором установлено, что зачастую в целях сохранения общественного порядка и государственного строя, принципов законности и гласности судопроизводства персональные данные заявителя подлежат раскрытию вопреки установленному праву на неприкосновенность частной жизни, гарантированному Конвенцией.

Annotation: The study analyzes the current jurisprudence of the European Court on the protection of personal data of an individual in the context of the implementation of his right to privacy. The author found that often in order to preserve public order and the state system, the principles of legality and transparency of legal proceedings, the applicant's personal data are subject to disclosure contrary to the established right to privacy guaranteed by the Convention.

Ключевые слова: защита персональных данных, неприкосновенность частной жизни, Европейский Суд по правам человека.

Keywords: personal data protection, privacy, European Court of Human Rights.

Возникновение института защиты персональных данных имеет несколько теорий. Согласно одной из них, институт возник в Европе в связи с принятием в 1950г. Европейской Конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ, Конвенция). Эту точку зрения поддерживает С. А. Шадрин, который полагает, что предпосылки для зарождения института защиты персональных данных появились еще

в середине прошлого столетия¹, в частности, в ЕКПЧ² и Всеобщей Декларации прав человека (далее – ВДПЧ).

ЕКПЧ в рамках настоящего исследования представляет для нас особый интерес: она является документом, с помощью которого граждане ряда Европейских государств и СНГ (в т.ч. России) имеют право защищать и восстанавливать свои нарушенные права.

В судебной практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) персональные данные защищаются именно в рамках ст. 8 ЕКПЧ, в которой гарантируется не просто уважение частной и семейной жизни, но и защита от посягательств со стороны других субъектов права в нее. Однако отнесение персональных данных к категории частной жизни вызывает сомнение. Конечно, в силу норм ЕКПЧ и судебной практики ЕСПЧ, эти понятия неразрывно связаны.

Между тем исследователями³ указывается, что именно по ст. 8 ЕКПЧ проходит значительное количество судебных заседаний по вопросу о наличии, либо отсутствии нарушения персональных данных лиц. В настоящем исследовании была проанализирована судебная практика ЕСПЧ за период 2016–2020 гг. Основным ресурсом для ее стал официальный сайт HUDOC. European court of human rights⁴, содержащий базу данных о конкретных рассмотренных делах вплоть до 2020 г.

Из более чем ста проанализированных дел ЕСПЧ по нарушению ст. 8 в различных государствах Совета Европы выяснилось, что в более, чем 80 % случаев судьи ЕСПЧ признавали жалобу заявителей обоснованной, соответствующей критериям приемлемости, а также присуждали компенсацию истцам и указывали на имевшее место нарушение ст. 8 Конвенции.

Так, за 2016 г. из 12 рассмотренных ЕСПЧ решений в 6 случаях было признано нарушение ст. 8 Конвенции; аналогично за период 2017 г. можно констатировать 19 нарушений из 22 дел, за 2018 г. – 14 из 22 дел, за 2019 г. – 11 из 17, наконец, за 2020 г. 14 из 21 дела.

¹ Шадрин С. А. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском Союзе: генезис и перспективы развития. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. С. 30.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [№ 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Бюллетень международных договоров. № 3. 2001.

³ Оганесян Т.Д. Международно-правовые аспекты реализации права на защиту данных: проблемы и тенденции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-realizatsii-prava-na-zaschitu-dannyh-problemy-i-tendentsii>.

⁴ HUDOC. European court of human rights. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus# {%22documentcollectionid2%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus# {%22documentcollectionid2%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22]}) (дата обращения: 05.05.2021).

Примечательно, что из 47 стран Совета Европы зачастую такие нарушения поступали и выявлялись в следующих странах: из 69 случаев нарушения ст. 8 Конвенции Франция (2), Литва (4), Великобритания (5), Испания (2), Румыния (4), Россия (10), Азербайджан (3), Турция (2), Латвия (4), Черногория (2), Болгария (5), Украина (3), Грузия (2), Венгрия (3), Эстония (2), и иные страны, по которым нарушения составили лишь одно дело.

От РФ за указанный период поступило 16 жалоб, в 10 из которых ЕСПЧ усмотрел и признал нарушение ст. 8 Конвенции. Получается, что около 63% случаев имели нарушение указанной статьи. Нарушение ст. 8 Конвенции от заявителей из РФ констатировалось намного чаще. Следует отметить, что и количество жалоб от наших граждан по нарушению данной статьи в разы больше, нежели чем из других стран Совета Европы. Объясняется это, на наш взгляд, информированностью населения о механизмах защиты персональных данных и частной жизни, особенно на международном уровне, высокой правовой культурой в части владения информацией о защите своих нематериальных благ, а также, возможно, повышением уровня доверия к деятельности международного судебного органа.

К сожалению, полную статистику привести невозможно, поскольку как в ежегодном журнале «Бюллетень ЕСПЧ», так и на сайте HUDOC судебная практика приводится только выборочно, что не позволяет составить точные статистические данные по количеству дел, рассматриваемых в ЕСПЧ по нарушению персональных данных.

Одной из наиболее часто затрагиваемых категорий дел, связанных с нарушением персональных данных, является практика ЕСПЧ по вопросу раскрытия имени, иных данных из документов, позволяющих идентифицировать физическое лицо со стороны банковских организаций, судебных органов, налоговых органов, правоохранительных органов и иных организаций.

К слову, анализ практики ЕСПЧ за аналогичный период показал, что значительная часть нарушений персональных данных связана с вмешательством в личные дела сотрудника со стороны работодателя: так, незыблемый принцип, выраженный в трудовом праве и гласивший, что работник в установленное рабочее время обязан заниматься трудовой функцией был подвергнут критике ввиду вмешательства некоторых работодателей в частную жизнь сотрудников компаний⁵.

⁵ Мхитарян А. С. Нарушения в сфере персональных данных работников: практика ЕСПЧ // Норма. Закон. Законодательство. Право: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции молодых учёных (г. Пермь, 16–17 апреля 2021 года) / науч. редактор О. А. Кузнецова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021. С. 845–848.

В дополнение к сказанному следует привести аргумент исследователя Т.Д. Оганесяна о том, что в настоящее время ввиду изменения подходов в практике ЕСПЧ к вопросу о защите персональных данных, последнее нельзя рассматривать ни в качестве самостоятельного элемента права, ни в качестве составной части права на неприкосновенность частной жизни⁶.

Между тем, следует отметить, что аналогичный вопрос о соотношении персональных данных и права на неприкосновенность частной жизни однозначно решен в праве Европейского Союза. Так, Л. Ю. Фомина отмечает: персональные данные защищаются в качестве самостоятельного права по смыслу нормы ст. 8 Хартии ЕС об основных правах⁷. Полагаем, что праву Совета Европы лишь предстоит выработать концепцию соотношения указанных категорий по спорному вопросу.

Действительно, концепция понимания такого явления, как защита персональных данных требует детальной регламентации в действующих источниках (формах) национального и международного права. Нельзя отрицать те необходимые изменения, которые привносит изменение сложившихся правоотношений.

В качестве примера рассмотрим дело *Vicent del Campo v. Spain*⁸: Суд постановил, что раскрытие полного имени заявителя в решении Высокого суда не было подтверждено какими-либо убедительными причинами. Кроме того, у заявителя не было возможности просить о неразглашении его личности или личной информации Высоким судом до вынесения решения. Так, в национальном решении Высокого суда Испании от 02.11.2011 г. была раскрыта личность заявителя, а его поведение было якобы равнозначно психологическому преследованию и издевательствам. Публикация соответствующих данных, по мнению Суда, могла отрицательно сказаться на его частной и семейной жизни, профессиональном положении и репутации.

Дела о защите персональных данных рассматриваются ЕСПЧ в соответствии со ст. 8 ЕКПЧ, согласно которой «каждый имеет право на уважение частной и семейной жизни, корреспонденции, жилища».

ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что понятие «частная жизнь» – весьма обширная категория, и каждое дело следует рассматривать с точки зрения того,

⁶ Оганесян Т. Д. Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. №2. С. 48.

⁷ Фомина Л. Ю. Международные стандарты защиты персональных данных в условиях информационного общества // Международное право. 2019. №4. С. 51.

⁸ *Vicent del Campo v. Spain* 06/11/2018. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus/{%22fulltext%22:\[%22Vcent%20del%20Campo%20v.%20Spain%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-187509%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/rus/{%22fulltext%22:[%22Vcent%20del%20Campo%20v.%20Spain%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-187509%22]}) (дата обращения: 05.03.2021).

подпадают ли предполагаемые нарушения персональных данных заявителей под данную категорию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Мхитарян А.С. Нарушения в сфере персональных данных работников: практика ЕСПЧ // Норма. Закон. Законодательство. Право: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции молодых учёных (г. Пермь, 16–17 апреля 2021 года) / науч. редактор О.А. Кузнецова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021.

2. Оганесян Т.Д. Международно-правовые аспекты реализации права на защиту данных: проблемы и тенденции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-realizatsii-prava-na-zaschitu-dannyh-problemy-i-tendentsii>

3. Оганесян Т.Д. Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 2.

4. Шадрин С.А. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском Союзе: генезис и перспективы развития. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019.

5. Фомина Л.Ю. Международные стандарты защиты персональных данных в условиях информационного общества // Международное право. – 2019. – № 4.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL PROBLEMS OF REGULATION OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: в данной статье рассматриваются проблемы развития малого и среднего бизнеса в условиях современного оборота. Особое внимание уделяется анализу мер государственной поддержки. Также рассматривается действующее законодательство в области предпринимательства, перспективы его развития. Выделены факторы развития малого и среднего бизнеса в России. Предложены некоторые рекомендации по дальнейшему решению обнаруженных проблем, а также по совершенствованию законодательства.

Annotation: this article examines the problems of the development of small and medium-sized businesses in the context of modern turnover. Particular attention is paid to the analysis of government support measures. The current legislation in the field of entrepreneurship and the prospects for its development are also considered. The factors of development of small and medium business in Russia are highlighted. Some recommendations are proposed for further solution of the identified problems, as well as for improving legislation.

Ключевые слова: предпринимательство, правовое регулирование, налогообложение, малый бизнес, средний бизнес, экономика, государственная поддержка.

Keywords: entrepreneurship, legal regulation, taxation, small business, medium business, economy, state support.

Малое и среднее предпринимательство – важнейший фактор социально-экономического развития любого государства. В частности, именно малое и среднее предпринимательство влияет на снижение уровня безработицы и повышение качества жизни населения как в России, так и во всём мире. В Российской Федерации данная область регулируется Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹. Особое место в нормативной базе занимает Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до

2030 года. Данная стратегия была разработана в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»². По предварительным данным, к 2025 году экспорт малого бизнеса увеличится до 7 %, также к 2030 году должна увеличиться доля малых и средних предприятий в 2,5 раза.

Согласно опубликованному в 2021 году докладу Экспертного центра при Уполномоченном по защите прав предпринимателей по вопросам малого и среднего бизнеса, доля малого и среднего бизнеса в российской экономике в 2019 году снизилась до 20,8 % ВВП, по некоторым данным в пандемийный 2020 год – это значение упало до 19,8 % уровня ВВП³. В развитых мировых экономиках доля малого и среднего бизнеса более 60 %. Это непосредственно влияет на обеспечение нормального функционирования рыночных механизмов, стимулирует развитие и рост эффективности, вследствие чего повышается благосостояние общества. В качестве основных проблем предприниматели выделяют рост налоговой нагрузки, влияние санкций, повышенное внимание к операциям бизнеса со стороны банков и проверяющих органов, дефицит квалифицированных специалистов по рабочим профессиям, отсутствие доступных кредитно-финансовых средств для долгосрочного развития, ограниченные возможности по продвижению продукции на международные рынки. В 2021 году к ним добавились ограничения из-за COVID-19, связанные с необходимостью прививать сотрудников, закупать средства индивидуальной защиты и т.д.⁴⁵.

Значительная часть проблем развития малого и среднего предпринимательства связана с постоянно меняющимся законодательством, которому с каждым годом сложнее соответствовать, также немало проблем составляют пробелы в нормативной базе. Часть учёных считает, что основная проблема в области правового регулирования связана с неэффективной системой налогообложения, которая завышает ставки налогов в отношении бизнеса⁶. Нормативная изменчивость приводит к увеличению издержек малого бизнеса намного сильнее, чем

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 28.06.2014 № 172-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

³ Специальный доклад Президенту Российской Федерации 2021. МСП/постковид. Время для системных решений // URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf>.

⁴ Дыбова Е.Н. Без спроса не вырасти // URL: <https://rg.ru/2021/06/02/krizis-obostril-osnovnye-problemy-malogo-biznesa-v-rossii.html>.

⁵ Ломская Т. Год умирающего бизнеса: где и почему в России исчезают индивидуальные предприниматели // URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/437999-god-umirausego-biznesa-gde-i-pocemu-v-rossii-ischezaut-individual-nye-predprinimateli>.

⁶ Высоцкий П.А. Государственное регулирование предпринимательства в современных условиях. М.: Наука, 2008. С. 232.

крупного или среднего, поскольку получение информации об изменениях в порядке уплаты, оформлении различного рода документов связано с определёнными затратами, которые используются совершенно по-разному (разные масштабы производства и реализация). Современная система налогообложения представляет собой довольно сложную и запутанную систему. Чтобы уплатить налоги, предприниматель должен обладать определёнными знаниями в области учёта и налогообложения либо ему необходимо нанимать высокооплачиваемых специалистов по бухгалтерскому учёту и налогам. Однако порой даже профессиональные бухгалтеры допускают ошибки, в результате чего предприниматель вынужден платить пени за несвоевременную уплату налогов. Также затрудняет ситуацию с налогообложением низкая финансовая грамотность предпринимателей и недостаточная информированность о программах государственной поддержки⁷. Зачастую предприниматели не понимают, что от них требуют, нередко узнают о требовании в момент получения штрафа. Требования не аккумулированы по отраслям, нет единого источника знаний о требованиях. Документы о них не переведены на язык бизнеса. На сегодняшний день предприниматели обязаны представлять в государственные органы огромное количество видов отчётности: налоговую (от 1 до 11 форм), статистическую (в общем 158 возможных форм для различных видов деятельности в 2019 году), бухгалтерскую, отчётность в ФСС РФ и ПФ РФ (до 4 форм, информация в которых частично дублируется), в ряде случаев специальную ведомственную отчётность.

Кроме этого существенно ограничены возможности для беззалогового кредитования или кредитования под залог оборотных средств, оборудования, под залог долей в компании, кредиты даются только под залог имущества – это тормоз в развитии МСП. Реальные ставки по кредитам для бизнеса по-прежнему крайне высоки.

На наш взгляд, для решения указанных проблем государством должна быть оказана поддержка малому и среднему бизнесу, а именно необходимо провести следующие мероприятия:

- снижение налоговой нагрузки на предприятия, понижение ставки по налогу на прибыль. В качестве яркого примера можно привести Канаду, в которой ставка равна 11 % при базовой в 28 %;
- ограничение роста тарифов на услуги инфраструктурных и сырьевых монополий;
- формирование более благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства в регионах страны;
- снижение административного давления на бизнес;

⁷ Елина И.А. Проблемы налогообложения малого бизнеса // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). С. 171.

– ясность в сфере налогообложения и финансовых стимулов (налоговых льгот, гарантий), упрощение методов ведения налогового и бухгалтерского учёта, представления отчётности инвестиций во внебиржевые инновационные проекты для инвесторов;

– необходимость в стимулировании роста малого и среднего предпринимательства, уделяя при этом особое внимание переходу из микро в малый и из малого в средний бизнес;

– повышение заинтересованности местных властей в развитии малого и среднего бизнеса. Все налоговые доходы от малого и среднего предпринимательства должны оставаться в муниципальных бюджетах;

– борьба с коррупционной деятельностью;

– организация мероприятий по популяризации предпринимательской деятельности, в том числе развитие инфраструктуры поддержки бизнеса.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации вызывают необходимость использования системного подхода с целью разработки методов решения нетипичных задач, которые возникают в данной сфере. Данное направление требует детального анализа и соответствующих корректировок, поскольку имеющееся сегодня правовое регулирование не позволяет учитывать все особенности осуществления предпринимательской деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Высоцкий П.А. Государственное регулирование предпринимательства в современных условиях. М.: Наука, 2008.

2. Дыбова Е.Н. Без спроса не вырасти // URL: <https://rg.ru/2021/06/02/krizis-obostril-osnovnye-problemy-malogo-biznesa-v-rossii.html>.

3. Елина И.А. Проблемы налогообложения малого бизнеса // Молодой ученый. 2016. № 24 (128).

4. Ломская Т. Год умирающего бизнеса: где и почему в России исчезают индивидуальные предприниматели // URL: <https://www.forbes.ru/svoibiznes/437999-god-umirausego-biznesa-gde-i-pocemu-v-rossii-ischezaut-individualnye-predprinimateli>.

5. Специальный доклад Президенту Российской Федерации 2021. МСП/постковид. Время для системных решений // URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf>.

К ВОПРОСУ О БАЛАНСЕ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОГРАНИЧЕНИИ СВОБОДЫ СЛОВА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

TO THE QUESTION ABOUT THE BALANCE OF INTERESTS WITH RESTRICTED FREEDOM OF SPEECH: INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Аннотация: в статье представлен анализ понятия свободы слова, а также обозначено значение свободы слова для современных демократических государств. Автор рассматривает основные ограничения свободы слова, установленные в международно-правовом поле, освещает практику таких ограничений. На основании изученного материала автор ставит вопрос о балансе интересов при ограничении свободы слова и предлагает алгоритм действий, выполнение которого позволит соблюсти такой баланс.

Annotation: The article presents an analysis of the concept of freedom of speech, and also outlines the meaning of freedom of speech for modern democratic states. The author examines the main restrictions on freedom of speech established in the international legal field, highlights the practice of such restrictions. Based on the material studied, the author puts forward a balance of interests in limiting freedom of speech and proposes an algorithm of actions, the observance of which will allow maintaining such a balance.

Ключевые слова: свобода слова, ограничения, баланс интересов, критерии, международное право.

Keywords: freedom of speech, restrictions, balance of interests, criteria, international law.

Свобода слова является важнейшей демократической ценностью, надежным инструментом построения правового государства и развития гражданского общества. Свобода слова остается общепризнанным основным правом человека как на национальном, так и на международном уровне.

В соответствии со статьей 19 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»¹.

Свобода слова имплементируется в национальное законодательство. Так, в соответствии со статьей 29 Конституции Российской Федерации: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова»².

По справедливому замечанию В.А. Кочева и А.Б. Эктумаева³ свобода слова гарантирует защиту от вмешательства в такую сферу человеческой жизни как коммуникация и включает в себя право на собственные действия, право на чужие действия в части требования соблюдения собственных интересов и право на применение мер защиты.

Как и любая другая свобода, свобода слова не безгранична. Стоит не согласиться с мнением У. Блока⁴, который утверждает, что правомерных ограничений свободы слова быть не может. Безграничная свобода слова может повлечь многочисленные неблагоприятные последствия в виде, например, нарастания конфликтов между людьми. Уместно привести утверждение: свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Этот тезис показывает важность ограничения свободы слова в целях соблюдения прав и интересов других людей, общества и государства.

Международный пакт о гражданских и политических правах в статье 19 устанавливает ограничения свободы слова, указывая, что «Пользование... правами налагает особые обязанности и особую ответственность»⁵. Такое пользование сопряжено с ограничениями, которые установлены законом и необходимы, во-первых, для уважения прав и репутации других лиц, а, во-вторых, для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Соответственно, в первом случае ограничения устанавливаются в целях защиты частных интересов, а во втором – публичных интересов.

Кроме того, в статье 20 устанавливается запрет на выступления в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, которые представляют собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. В данном случае ограничения предусмотрены в целях недопущения прикрытия экстремистских мотивов выступления реализацией права на свободу слова.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

³ Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 138.

⁴ Блок У. Овцы в волчьих шкурах: в защиту порицаемых. Челябинск: Социум, 2011. С. 102.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

Представляется справедливым вопрос о соблюдении баланса интересов в случае установления ограничений на свободу слова, поскольку такие выражения как «репутация других лиц», «государственная безопасность», «общественный порядок» и другие, могут достаточно широко трактоваться и в связи с этим превращаться в разряд оценочных. Например, в бывших коммунистических странах любое политическое мнение строго ограничивается в целях недопущения «общественных беспорядков», обеспечения «государственной безопасности»⁶. Нередко правительственные круги используют механизмы давления на СМИ, указывая, что сообщения прессы затрагивают их честь и достоинство⁷. Таким образом, в каждом споре требуется учет индивидуальных обстоятельств, которые объективно будут говорить о том, что реализация права на свободу слова тем или иным образом негативно сказывается на частных и (или) публичных интересах.

Необходимо упомянуть Рабатский план действий⁸ по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, который направлен на обеспечение баланса интересов при интерпретации ограничений свободы слова. Так, регламентирован высокий порог для ограничения свободы слова путем обязательной фиксации критериев, при наличии которых можно констатировать разжигание ненависти: учет социального и политического контекста, статус оратора, содержание и форма речи, наличие намерения вызвать враждебность, степень воздействия речи и потенциальная вероятность причинения вреда. Представляется, что такие критерии конкретизируют ограничения свободы слова, вносят ясность в определение мотива разжигания ненависти или вражды.

Наконец, Европейский суд по правам человека в своей прецедентной практике выработал критерии, при которых вмешательство в свободу слова является законным и целесообразным⁹. По мнению суда, во-первых, ограничения должны быть предусмотрены национальным законодательством, во-вторых, вводимые меры должны преследовать законную цель, в-третьих, вводимые меры должны быть необходимы и соответствующими принципам демократии.

Можно ли говорить о том, что несоответствие сообщения требованиям нравственности и морали должно подпадать под ограничения свободы слова? Например, в одном из дел Европейский Суд посчитал действия государства по установлению ограничений свободы выражения мнения целесообразным и

⁶ Очаковская А.А. Понятие свободы слова и его ограничения в контексте международного публичного права и европейского правового пространства // STUDENT. 2021. № 5. С. 35.

⁷ Жеглова А. Правовые основы международного обеспечения свободы слова // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 212.

⁸ Очаковская А.А. Указ. соч. С. 37.

⁹ Очаковская А.А. Указ. соч. С. 38.

необходимым в целях защиты «нравственности». Так, один художник на выставке представил несколько полотен, на которых изображались акты содомии и зоофилии¹⁰. На мой взгляд, область морали и нравственности имеет достаточно размытые и подвижные границы: одно действие на сегодняшний день будет считаться аморальным, а завтра уже станет нормой. Между тем, выражение своего мнения, которое явно противоречит требованиям морали и нравственности, можно подвести под категорию нарушения общественного порядка. Национальным властям и Европейскому Суду следует учитывать степень безнравственности, уровень явного несоответствия требованиям морали.

Встречаются ситуации, когда те или иные субъекты сообщают ложную информацию, СМИ преувеличивают масштабы произошедшего события и т. д. Необходимо ли в этом случае ограничивать свободу слова путем указания на недопустимость сообщения ложной информации? Представляется, что в этом нет необходимости. Сама по себе ложная информация не несет существенных неблагоприятных последствий. Однако следует учитывать возможный разрушительный потенциал такой ложной информации и ее характер, а также осведомленность или неосведомленность субъекта о заведомой недостоверности сообщаемой информации, источник ее возникновения. Например, если лицо говорит об акте терроризма, достоверно зная при этом, что сообщение носит ложный характер, то ни о какой свободе слова не может быть и речи.

Подводя итог, следует предложить определенный алгоритм, выполнение этапов которого позволит соблюсти баланс интересов при ограничении свободы слова.

В первую очередь, необходимо толковать любое мнение буквально. Расширительное толкование не допускается, поскольку это может нарушить баланс интересов и привести к злоупотреблениям. Таким образом государства могут бороться с оппозицией, с гласными СМИ, указывая на то, что суждения направлены на подрыв государственной безопасности.

Во-вторых, рекомендуется учитывать характер сообщаемой информации, потенциальную вредоносность, содержащихся в ней сведений. В данном случае подразумевается оценка видимых объективных факторов. Для выполнения этого этапа может потребоваться производство соответствующей лингвистической экспертизы.

В-третьих, учитываем личность субъекта, который выражает свое мнение, аудиторию, до которой доводятся сообщаемые сведения, а также мотивы выступления оратора. Данный этап ориентирован, прежде всего, на оценку субъективной стороны совершенного деяния: необходимо установить сообщаются ли

¹⁰ Колмакова Т.Н. Международно-правовой аспект права каждого на свободу слова // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 29.

те или иные сведения в целях информирования населения или субъект стремится привести в действие механизм общественных волнений и разжигания ненависти и вражды.

На завершающем этапе обращаем внимание на фактически наступившие последствия и причинно-следственную связь между этими последствиями и действиями субъекта, посредством которых он выражал свое мнение.

Стоит отметить, что довольно-таки трудно установить более конкретные критерии, которые могли бы позволить соблюдать баланс интересов при ограничении свободы слова. Представляется, что каждый возникший в таком случае спор должен разрешаться с учетом конкретных индивидуальных обстоятельств. В настоящее время вопросы, связанные со свободой слова, являются актуальными, поскольку общество находится в области постоянного информационного и технического развития, благодаря которому свобода слова реализуется еще и в Интернет-пространстве. В связи с этим регулирование свободы слова должно учитывать такое развитие и проблемы, которые при этом возникают, требуют дополнительного изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 36.
2. Блок У. Овцы в волчьих шкурах: в защиту порицаемых. Челябинск: Социум, 2011.
3. Очаковская А.А. Понятие свободы слова и его ограничения в контексте международного публичного права и европейского правового пространства // STUDENT. – 2021. – № 5.
4. Жеглова А. Правовые основы международного обеспечения свободы слова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3.
5. Колмакова Т.Н. Международно-правовой аспект права каждого на свободу слова // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7.

ПОНЯТИЕ МЕТАДААННЫХ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

THE CONCEPT OF METADATA IN THE CONTEXT OF THE RIGHT TO PRIVACY: STATEMENT OF THE PROBLEM

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие метаданных в контексте права на неприкосновенность частной жизни человека в России и за рубежом, а также формулируются существующие в данной сфере проблемы.

Annotation: This article discusses the concept of metadata in the context of the right to privacy of a person in Russian and foreign legislation, and also formulates existing problems in this area.

Ключевые слова: метаданные, защита персональных данных, неприкосновенность частной жизни, цифровое пространство.

Keywords: metadata, personal data, privacy, digital space.

Использование интернета для общения, образования и работы стало неотъемлемой частью жизни современных людей. Однако не каждому пользователю известно, что каждый файл, отправленный или размещенный в сети, содержит значительный объем метаданных, позволяющий раскрыть значительные подробности частной жизни человека.

Рассмотрим конкретные примеры. Документ, созданный в программах Microsoft Office, помимо содержимого, сохраняет также информацию об имени автора, о дате создания и изменениях документа, об общем времени правки, о названии и версии использованного приложения. Фото, сделанное фотоаппаратом, содержит информацию об авторе, о технических данных самой камеры, о версии её программного обеспечения, о дате и времени съемки, о настройках режима съемки. Фотографии, сделанные мобильным устройством, могут нести в себе информацию о точном географическом положении места съемки. Угроза приватности человека может возникнуть на этапе отправки этих файлов по элек-

тронной почте, при их загрузке в социальные сети или на хостинги, где персональные данные пользователя, содержащиеся в метаданных файлов, могут быть раскрыты посторонними лицами без его ведома и согласия.

Именно так в 2012 г. был обнаружен подозреваемый в убийстве миллионер Джон Макафи (John McAfee), который скрывался от правительства Белиза. Фотографию с ним разместили в интернете журналисты издания «Vice», не удалив предварительно встроенные метаданные, которые безошибочно указали на расположение подозреваемого, где он и был впоследствии задержан¹.

Помимо метаданных файлов, каждый выход пользователя в интернет сопровождается информацией о его IP-адресе, интернет-провайдере, типе используемого устройства (компьютера или мобильного телефона), геолокации и прочем. Данная информация собирается интернет-сайтами, как с использованием оповещений об этом, так и без — с помощью различных трекеров, отслеживающих куки или сборщиков цифровых отпечатков².

Говоря о метаданных с точки зрения угрозы неприкосновенности частной жизни, нельзя не вспомнить о государственной программе США PRISM, о которой стало известно благодаря Эдварду Сноудену в 2013 г. В рамках данной программы Агентством Национальной Безопасности США осуществлялся массовый негласный сбор информации, передаваемый по сетям электросвязи. При этом президент США Барак Обама подчеркивал³, что собирались исключительно метаданные, но не содержание сообщений и звонков. Эдвард В. Фелтен дал по этому поводу следующий комментарий: «Отдельные фрагменты данных, которые ранее обладали меньшим потенциалом для раскрытия частной информации [метаданные], теперь могут в совокупности раскрывать конфиденциальные детали нашей повседневной жизни — детали, которыми мы не намеревались или не предполагали делиться». Также он отметил, что изучение метаданных, как правило, более экономически эффективно, чем анализ контента⁴.

Метаданные могут раскрыть значительные подробности о частной жизни человека, к примеру маршруты передвижения, место работы или жительства, данные о техническом устройстве и прочее, что может быть использовано злоумышленниками. Даже когда метаданные не позволяют установить личность

¹ Weizenkorn B. McAfee's Rookie Mistake Gives Away His Location by Ben Weizenkorn // TechNewsDaily URL: <https://web.archive.org/web/20121205005905/http://www.technewsdaily.com/15768-mcafee-rookie-mistake.html>.

² Гонов Ш.Х., Милованов А.В. Актуальные вопросы противодействия преступности в сети Даркнет // Полицейская и следственная деятельность. 2021. №1.

³ Statement by the President, June 07, 2013 // The White House, Office of the Press Secretary. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/07/statement-president>.

⁴ Felten E.W. Declaration of Professor Edward W. Felten, Case No. 13-cv-03994. URL: <https://www.clearinghouse.net/chDocs/public/NS-NY-0003-0008.pdf>.

владельца цифровой информации, их сбор и систематизация позволяют формулировать определенные выводы, например, о местах скопления граждан, что может быть использовано в террористических целях.

Однако если защита персональных данных человека гарантируется ст. 23 24 Конституции РФ⁵, а также регулируется иными нормативными правовыми актами, то защите метаданных, распространяемых лицом, не уделяется достаточного внимания.

В российском законодательстве термин «метаданные» упоминается в Федеральном законе от 30.12.2015 № 431-ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶, где даётся определение сведений о пространственных данных (пространственных метаданных) – ими считаются данные, которые позволяют описывать содержание и другие характеристики пространственных данных, необходимые для их идентификации и поиска (ст. 3). В Приказе Минэкономразвития России от 29.03.2017 № 142 «Об установлении требований к сведениям о пространственных данных (пространственным метаданным)»⁷ можно обнаружить отождествление терминов «сведения о пространственных данных» и «пространственные метаданные». И то, и другое считается электронными файлами в формате XML, содержащими информацию об определенных пространственных данных (вид, год создания, формат хранения, местонахождение соответствующей территории и пр.).

Определение метаданных можно также встретить в Законе РФ от 20.08.1993 № 5563-1 «О космической деятельности»⁸, где они описываются как информация о данных и копиях данных, содержащихся в федеральном фонде данных. Утвержденные соответствующим Приказом⁹ требования к метаданным

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

⁶ О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2015 №431-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) // Российская газета. № 1. 11.01.2016.

⁷ Об установлении требований к сведениям о пространственных данных (пространственным метаданным): Приказ Минэкономразвития России от 29.03.2017 № 142. URL: www.pravo.gov.ru.

⁸ О космической деятельности: Закон РФ от 20.08.1993 № 5663-1 (в ред. От 11.06.2021) // Российская газета. № 186. 06.10.1993.

⁹ Об утверждении требований к форме и содержанию информации о данных дистанционного зондирования Земли из космоса и копиях данных дистанционного зондирования Земли из космоса, содержащихся в федеральном фонде данных дистанционного зондирования Земли из космоса, включая состав основных характеристик, необходимых для идентификации данных дистанционного зондирования Земли из космоса (копий данных дистанционного зондирования Земли из космоса): Приказ Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 07.06.2019 № 173. URL: www.pravo.gov.ru.

схожи с уже упомянутыми: метаданные формируются в форме электронных файлов в формате XML и содержат информацию о виде данных, дате и времени съемки, геодезических координатах съемки и так далее.

Очевидно, что указанные определения служат для решения определенных технических задач в конкретных сферах – геодезии и картографии и в космической деятельности. Прочих определений метаданных в федеральном законодательстве или в подзаконных актах нет, в иных метаданные упоминаются лишь как составляющие баз данных или в других, не интересующих нас аспектах.

Несколько определений метаданных содержатся в стандартах ГОСТ, которые носят рекомендательный характер и не являются нормативно-правовыми актами. Национальный Стандарт РФ «Информационная технология Регистры Метаданных»¹⁰ под метаданными понимает данные, которые определяют и описывают другие данные. В Национальном Стандарте РФ «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения»¹¹ понятие метаданных более широкое: это данные, описывающие контекст, содержание, структуру документов, обеспечивающие управление документами в информационной системе. В Национальном стандарте РФ «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Набор элементов метаданных «Дублинское ядро»¹², метаданные – это структурированные данные, характеризующие информационный ресурс для целей его идентификации, поиска и управления им.

В зарубежных источниках наиболее полное определение метаданных можно найти в Специальной публикации NIST 800-150 «Руководство по киберугрозе. Обмен информацией» (США, 2016)¹³, где метаданными называется информация, описывающая характеристики данных, включая, структурные метаданные, описывающие структуры данных (например, формат данных, синтаксис и семантику), и описательные метаданные, описывающие содержимое данных (например, метки информационной безопасности).

¹⁰ ГОСТ Р ИСО/МЭК 11179-1-2010. Группа П85. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология Регистры метаданных (РМД). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200087954>.

¹¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Группа Т00. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200108447>.

¹² ГОСТ Р 7.0.10-2010 (ИСО 15836:2003). Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Набор элементов метаданных «Дублинское ядро». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200084835>.

¹³ NIST Special Publication 800-150. Guide to Cyber Threat. Information Sharing. URL: <https://nvl-pubs.nist.gov/nistpubs/SpecialPublications/NIST.SP.800-150.pdf>.

Вступивший в силу 25.05.2018 Общий регламент защиты персональных данных Европейского союза (General Data Protection Regulation, GDPR)¹⁴, не дает точного определения метаданных, однако говорит о том, что физическим лицам могут быть приписаны интернет-идентификаторы (такие как IP-адреса, идентификаторы cookie), генерируемые их устройствами, приложениями, инструментами и протоколами, либо иные идентификаторы, что в свою очередь может вызывать оставление следов, которые в сочетании с уникальными идентификаторами и иной, полученной серверами информацией, могут быть использованы для создания профилей и идентификации этих лиц. В то же время данный Регламент определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к идентифицированному или поддающемуся идентификации физическому лицу, которое можно прямо или косвенно идентифицировать, в частности, посредством ссылки на идентификатор. Следовательно, GDPR относит часть метаданных к персональным данным, однако конкретно данный вопрос не рассмотрен.

Таким образом, в России отсутствует единое определение метаданных — они рассматриваются в основном с технической точки зрения. В контексте права на неприкосновенность частной жизни очевидна необходимость законодательного закрепления определения метаданных и проработка их правового положения, в том числе вопроса о соотношении метаданных с персональными данными, распространения на них режима правовой защиты персональных данных или разработки специального правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Felten E.W. Declaration of Professor Edward W. Felten, Case No. 13-cv-03994. URL: <https://www.clearinghouse.net/chDocs/public/NS-NY-0003-0008.pdf>.
2. Statement by the President, June 07, 2013 // The White House, Office of the Press Secretary. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/07/statement-president>.
3. Felten E.W. Declaration of Professor Edward W. Felten, Case No. 13-cv-03994. URL: <https://www.clearinghouse.net/chDocs/public/NS-NY-0003-0008.pdf>.
4. Берестова Т.Ф. Что скрывается за термином «Метаданные»? // Вестник ЧГАКИ. — 2017. — №1 (49).
5. Гонов Ш.Х., Милованов А.В. Актуальные вопросы противодействия преступности в сети Даркнет // Полицейская и следственная деятельность. — 2021. — №1.
6. Кильдеев Р.Р. Понятие метаданных и их конституционная защита // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. №3 (59).

¹⁴ Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза 2016/679 от 27.04.2016. URL: <https://gdpr-text.com/>.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ОЩЕРОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

REALIZATION OF THE RIGHT TO EDUCATION BY CHILDREN WITH DISABILITIES: ALL-RUSSIAN TENDENCIES AND REGIONAL EXPERIENCE

Аннотация: в статье раскрывается понятие и сущность инклюзивного образования, его значение для реализации прав лиц с ограниченными возможностями. Автором анализируются нормы российского законодательства, посвященные инклюзивному образованию детей. В статье отражаются преимущества совместного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья и обычных детей, анализируются проблемы, связанные с внедрением принципа инклюзивности в систему общего образования, и приводятся примеры успешной реализации инклюзивного образования на региональном уровне.

Annotation: the article deals with the concept of inclusive education, its meaning for the rights of persons with disabilities. The author analyzes the legal norms about inclusive education. The article represents the advantages of co-education of students with limited capacities and ordinary children, deals with the problems of inclusivity in the education system, and provides examples of successful realization of inclusive education in different regions of Russia.

Ключевые слова: инклюзивность, недопустимость дискриминации, право на образование, права инвалидов, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, дети-инвалиды.

Keywords: inclusivity, non-discrimination, right to education, rights of persons with disabilities, students with limited capacities, disabled children.

На современном этапе развития системы прав человека все большую актуальность приобретает инклюзивное образование, основанное на идее о недопустимости дискриминации по отношению к детям, имеющим особые потребности. Следует отметить, что первоначально имело место создание специальных образовательных учреждений и соответствующих методов обучения для детей-инвалидов и лиц с ОВЗ. В связи с этим возникали сегрегация и изоляция этих групп учащихся внутри самой системы образования, что не позволяло должным образом обеспечить реализацию их прав. В противоположность сегрегацион-

ному подходу, интегративный подход, на котором в настоящее время основывается инклюзивное образование, подразумевает зачисление обучающегося с ОВЗ в обычный класс общеобразовательной школы¹.

Таким образом, под инклюзивным (от англ. include – включать), или включенным образованием понимается организация совместного обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья вместе с их сверстниками, не имеющими ограничений по здоровью, в общеобразовательных школах².

Современный подход к инклюзивному образованию, как отмечает Н.А. Ливенцева, обусловлен происходящим в настоящее время постепенным переходом от медицинского понимания инвалидности к социальному, благодаря чему приоритетными направлениями политики становятся создание условий для интеграции лиц с ОВЗ в общество, учет их особых потребностей во всех сферах жизни общества³.

Инклюзивное образование имеет целый ряд значимых преимуществ для детей с ОВЗ, которые в условиях совместного обучения с их здоровыми сверстниками, как правило, имеют более развитые навыки коммуникации, социального взаимодействия. Инклюзивность образования позволяет сделать программы обучения детей с ОВЗ более насыщенными, а, следовательно, способствует более эффективному развитию их знаний и умений, росту их академических достижений⁴. В связи с изложенным, столь важное значение приобретает надлежащая правовая регламентация инклюзивного образования, создание работающих правовых механизмов, обеспечивающих практическую реализацию принципа инклюзивности в образовании.

Необходимо отметить, что Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов⁵, тем самым приняв на себя ряд международных обязательств, в том числе по внедрению принципа инклюзивности образования. В целях исполнения указанных международных обязательств в российском законодательстве был закреплён ряд норм об инклюзивном образовании.

¹ Пашкова М.Н, Скуднова Т.Д. Мировая практика инклюзивного образования: история и современность // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. № 4 (208). С. 109–116.

² Черепкова Н.В., Смуглиенко А.В. Инклюзивное образование // Science Time. 2015. № 11 (23). С. 601–606.

³ Ливенцева Н.А. Проблемы практической реализации инклюзивного образования в США и странах Европы // Современная зарубежная психология. 2012. № 1. С. 20–29.

⁴ Фролова И.Ю. Инклюзивное образование в России: проблемы и перспективы // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 3. С. 347–350.

⁵ Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7.

В п. 27 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) закреплено определение инклюзивного образования, под которым понимается «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей»⁶. Важное значение с точки зрения обеспечения инклюзивности образования имеет также использование законодателем понятия «обучающийся с ОВЗ», основанного на обозначенном выше социальном подходе к пониманию инвалидности.

В п. 5 ст. 5 Закона об образовании в качестве одной из государственных гарантий реализации права на образование в РФ провозглашается создание необходимых условий для получения без дискриминации качественного образования лицами с ОВЗ «... в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ОВЗ». Из данной формулировки следует, что инклюзивное образование рассматривается законодателем лишь как один из возможных вариантов реализации права детей с ОВЗ на образование, при этом продолжает свое существование и сложившаяся ранее система специального (коррекционного) образования.

Вместе с тем, несмотря на частичное закрепление инклюзивности образования в российском законодательстве, на практике данный принцип реализуется лишь в относительно небольшой части образовательных организаций. Сложившаяся ситуация обусловлена целым комплексом причин. Применительно к региональному уровню в научной литературе выделяют такие факторы, влияющие на развитие инклюзивного образования, как позиция органов управления в сфере образования, финансирование, развитие психолого-педагогических служб, наличие педагогических кадров с подготовкой, необходимой для работы с детьми с ОВЗ⁷.

Кроме того, выделяется ряд проблем психолого-педагогического характера, таких, как отсутствие в системе образования сложившейся культуры инклюзивности, несогласие родителей здоровых детей на их совместное обучение с детьми с ОВЗ, неадекватное отношение здоровых детей к обучающимся с ОВЗ, усложняющее их социально-психологическую адаптацию; недостаточность образовательных программ и технологий для обучения детей с ОВЗ в общеобразовательных школах⁸.

⁶ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

⁷ Алехина С.В., Казакова Н.А., Новикова Н.Б. Современные образовательные технологии в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья. Красноярск, 2013. С. 71–95.

⁸ Бобкова Т.С., Гороховицкая Т.Н. Сопровождение инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья на муниципальном уровне // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 147–150.

В связи со всеми перечисленными сложностями, в большинстве общеобразовательных школ на данном этапе еще не созданы специальные условия для обучения детей с ОВЗ, несмотря на значительное количество таких детей, что не позволяет говорить о полноценной реализации принципа инклюзивности в российской системе образования.

Вместе с тем, в ряде регионов уже имеется положительный опыт в данной области. Так, в Свердловской области инклюзивное образование реализуется в рамках государственной программы «Доступная среда», что позволяет обеспечивать школы всем необходимым оборудованием, а также осуществлять ряд других мероприятий, направленных на более комфортную адаптацию детей с ОВЗ в обычных школах. По состоянию на начало 2018 г. уже в более 700 общеобразовательных учреждений региона были созданы специальные условия для обучения детей с ОВЗ⁹.

Положительным примером может служить и Пермский край, где в обычных классах общеобразовательных школ учится около 6,3 тысяч детей с ОВЗ, в коррекционных классах общеобразовательных школ – около 4,4 тысяч учащихся. Школ с инклюзивным образованием в регионе более 500. Более того, СОШ № 114 города Перми стала победителем всероссийского конкурса «Лучшая инклюзивная школа России». В настоящее время в школе учатся 66 детей с ОВЗ, обучающихся совместно с остальными сверстниками в общеобразовательных классах по общеобразовательным программам, по индивидуальным образовательным маршрутам¹⁰.

В Пермском крае также реализуются различные проекты в сфере инклюзивного образования. Так, в рамках проекта «Неигрушки» разрабатываются адаптированные образовательные программы для детей с ОВЗ по ряду предметов, создаваемые с учетом особенностей восприятия информации детьми с ОВЗ. Проект «Ради будущего детей» направлен на обучение педагогов составлению адаптированных образовательных программ, дидактических пособий с учетом его особенностей и возможностей различных детей. В рамках данного проекта также открывается три специальных коррекционных класса, выступающих в качестве ресурсной среды для тех детей, которые в настоящее время обучаются на дому по причине отсутствия в школе специальных условий для получения ими образования¹¹.

⁹ Грунт Е.В. Инклюзивное образование в современной российской школе: региональный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. № 1. С. 67–81.

¹⁰ Лучшая инклюзивная школа России находится в Перми // URL: <https://www.permkrai.ru/news/luchshaya-inklyuzivnaya-shkola-rossii-nakhoditsya-v-permi>.

¹¹ В Перми создадут условия для обучения особенных детей // URL: <https://www.asi.org.ru/report/2020/05/07/perm-obuchenie-detej-s-invalidnostyu-novye-proekty/amp>.

Таким образом, на современном этапе инклюзивное образование, получившее закрепление в законодательстве РФ сравнительно недавно, существует параллельно с системой специального (коррекционного) образования. Вместе с тем, несмотря на существование ряда проблем, во многих регионах, в том числе в Пермском крае, уже имеется положительный опыт инклюзивного образования, в связи с чем представляется возможным ожидать более широкого распространения данной прогрессивной модели обучения детей с ОВЗ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бобкова Т.С., Гороховицкая Т.Н. Сопровождение инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья на муниципальном уровне // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3.
2. В Перми создадут условия для обучения особенных детей // URL: <https://www.asi.org.ru/report/2020/05/07/perm-obuchenie-detej-s-invalidnostyunovye-proekty/amp>).
3. Грунт Е.В. Инклюзивное образование в современной российской школе: региональный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2019. – № 1.
4. Ливенцева Н.А. Проблемы практической реализации инклюзивного образования в США и странах Европы // Современная зарубежная психология. – 2012. – № 1.
5. Лучшая инклюзивная школа России находится в Перми // URL: <https://www.permkrai.ru/news/luchshaya-inklyuzivnaya-shkola-rossii-nakhoditsya-v-permi>.
6. Пашкова М.Н, Скуднова Т.Д. Мировая практика инклюзивного образования: история и современность // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2017. – № 4 (208).
7. Алехина С.В., Казакова Н.А, Новикова Н.Б. Современные образовательные технологии в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья. Красноярск, 2013.
8. Фролова И.Ю. Инклюзивное образование в России: проблемы и перспективы // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 3.
9. Черепкова Н.В., Смуглиенко А.В. Инклюзивное образование // Science Time. – 2015. – № 11 (23).

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE DEVELOPMENT OF INFORMATION LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются отдельные особенности процесса развития информационного законодательства Российской Федерации. Автор анализирует и дает оценку наиболее значимым нормативным правовым актам в характеризующейся сфере и производит сравнение с немецким Законом об информации. На основе результатов сравнения и с учетом тенденций развития законодательства автором дается заключение о возможном направлении улучшения правового регулирования.

Annotation: this article discusses some of the features of the development of information legislation of the Russian Federation. The author analyzes and evaluates the most significant normative legal acts in the characterized area and compares them with the German Law on information. The author gives an opinion on the possible direction of improving legal regulation based on the results of comparison and taking into account the trends in the development of legislation.

Ключевые слова: информация, информационное законодательство, право на информацию, тенденции развития законодательства, толкование законодательства.

Keywords: information, information legislation, the right to information, trends in the development of legislation, interpretation of legislation.

Одной из основных особенностей развития общества на современном этапе научно-технического и правового прогресса является качественное углубление и совершенствование информационных отношений. Обмен сведениями становится частью повседневной жизни каждого человека. Сложно выделить хотя бы одну сферу деятельности, в которой осуществление эффективного взаимодействия по поводу сведений не будет рассматриваться как условие успеха.

В данных обстоятельствах улучшение информационного законодательства – это одно из ключевых направлений деятельности государства, которому нужно уделять особое, пристальное внимание. Такое умозаключение подтверждается в

работах многих российских ученых, таких как Л.А. Коврижных¹, Д.А. Федоров², Ю.Г. Просвирнин³ и других.

Примечательно, что в Российской Федерации нормативная правовая база в области информационных отношений начала формироваться значительно позже, чем в странах Европы и Америки. В частности, легализация основополагающего субъективного права в исследуемой сфере – права на информацию произошло в России лишь после смены советского режима и установления демократии.

Первое упоминание права на информацию содержится в ст. 13 Декларации прав и свобод человека и гражданина⁴, хотя в современной редакции, то есть как право свободно искать, получать, передавать, производить или распространять информацию любым законным способом оно получило закрепление только в ч.4 ст.29 Конституции Российской Федерации 1993 года⁵. До этого советское право содержало только ограниченные нормы о получении, поиске и распространении сведений и не гарантировало реализацию иных возможностей.

Для сравнения за рубежом информационное законодательство в начале 90-х годов XX-го века уже претерпело длительную эволюцию. Например, по словам Н.И. Суховой и Е.Н. Тогузаевой к моменту утверждения анализируемого права в отечественной правовой системе «...на западе уже шел процесс модернизации законодательных актов, регулирующих эту сферу⁶».

В целом следует отметить, что российский законодатель приложил большой объем усилий для того, чтобы компенсировать отставание от европейских стран и американских государств в части юридического регулирования анализируемых отношений. За последние десятилетия процесс нормотворчества привел к тому, что значительная часть вопросов, связанных с порядком обращения информации в обществе, получила необходимое разрешение. Тем не менее, надлежит учесть то обстоятельство, что общее состояние законодательства продолжает оставаться противоречивым и даже пробельным.

¹ Коврижных Л.А. О проблеме совершенствования информационного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 334–341.

² Федоров Д.А. Юридические фикции в информационном законодательстве // Правовая информатика. 2015. № 3. С. 39–42.

³ Просвирнин Ю.Г. Совершенствование российского информационного законодательства // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2007. № 1. С. 9–22.

⁴ Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. № 52. 26.12.1991. Ст. 1865.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁶ Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н. Ценность права на информацию и пути повышения его эффективности // Информационная безопасность регионов. 2013. № 1. С. 116.

Наиболее ярко указанное состояние проявляется в Федеральном законе от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации⁷). Особенность этого правового акта заключается в том, что он представляет из себя наиболее систематизированный документ, действующей в рассматриваемой сфере, а также составляет фундамент объективного права информации в Российской Федерации. Кроме того, данный закон создает фундамент понятийного аппарата темы и устанавливает принципы правового регулирования информационных отношений, характеризует основные особенности осуществления информационных правомочий.

Ввиду вышеизложенных оснований высокая ценность и актуальность этого нормативного правового акта обычно не оспаривается, хотя надлежит принимать во внимание, что в сравнении с зарубежными аналогами он значительно больше акцентируется на технико-юридических аспектах обращения данных в обществе и меньше на общих принципах регулирования информационных отношений.

В странах Европы и Америки основополагающие правовые акты, связанные с регулированием рассматриваемого вида отношений, больше известные как RTI (Right to Information), FOI (Freedom of Information) или ATI (Access to Information Acts) законы, преимущественно детализируют конституционные установления и конкретизируют правовой статус субъектов взаимодействия по поводу сведений.

Так закон Федеративной Республики Германии о свободе информации от 05 сентября 2005 года регламентирует порядок и предусматривает условия защиты общественных интересов в исследуемой сфере, разъясняет особенности защиты личных сведений и отдельных видов тайны, устанавливает последовательность направления и рассмотрения заявок на предоставление информации, причины их возможного отклонения, утверждают правила взимания расходов за оказанные государственными органами информационные услуги и учреждает должности, в задачи которых входит защита прав и свобод граждан в области информации⁸.

Одновременно с этим российский Закон об информации уделяет указанным вопросам мало внимания, что дает возможность вольно толковать Конституцию Российской Федерации, в том числе п.4 ст.29, внедряя в отечественную правовую практику противоречивые нормы и правила.

⁷ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

⁸ Gesetz zur Regelung des Zugangs zu Informationen des Bundes vom 5. September 2005 // BGBl. I S. 2722.

В качестве примера можно отметить, что большой общественный резонанс среди граждан страны вызвал федеральный закон от 06 июля 2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности⁹». Названный правовой акт известен тем, что обязал организаторов распространения информации в сети Интернет в течение шести месяцев хранить переписку пользователей и передавать ее уполномоченным государственным органам при поступлении запроса (см. ст. 10.1 Закона об информации).

Противоречивая оценка указанного правила наглядно отражается в работах отечественных исследователей. К примеру, по словам А.В. Шигурова вводимые изменения посягают даже на само существо права на личную и семейную тайну, неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, приводят к утрате их содержания¹⁰.

Необходимо указать на то, что другие авторы, в том числе С.А. Паламарчук, напротив, склонны оправдывать новую редакцию закона, так как усматривают в ней инструментарий, позволяющий эффективно противодействовать терроризму и иным угрозам безопасности граждан¹¹. В подобном подходе особый интерес вызывает то, что новые возможности органов публичной власти исследователь называет законной Интернет-цензурой¹², но не учитывает, что любые формы ее применения будут нарушать ст.29 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что несмотря на то, что нормативная правовая база информационных отношений с 90-х годов XX века была значительно усовершенствована, ее дальнейшее развитие и улучшение не должно останавливаться. Важно, чтобы существующие нормы, регули-

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 №374-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст.4558.

¹⁰ Шигуров А.В. Нарушение конституционных прав граждан России «антитеррористическим пакетом» И. Яровой // Мир науки и образования. 2016. № 4 (8). С. 2–8.

¹¹ См.: Паламарчук С.А. Цензура как один из методов обеспечения конституционной безопасности личности на примере «пакета Яровой» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 105.

¹² См.: Паламарчук С.А. Цензура как один из методов обеспечения конституционной безопасности личности на примере «пакета Яровой» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 105.

рующие порядок обращения сведений в обществе, имели системный и непротиворечивый фундамент, были приведены в соответствие с едиными принципами обращения информации в обществе, которые будут закреплены в основополагающем законе по примеру европейских стран, таких как Федеративная Республика Германия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Коврижных Л.А. О проблеме совершенствования информационного законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 4.
2. Паламарчук С.А. Цензура как один из методов обеспечения конституционной безопасности личности на примере «пакета Яровой» // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 4.
3. Просвирнин Ю. Г. Совершенствование российского информационного законодательства // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2007. – № 1.
4. Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н. Ценность права на информацию и пути повышения его эффективности // Информационная безопасность регионов. – 2013. – № 1.
5. Федоров Д.А. Юридические фикции в информационном законодательстве // Правовая информатика. – 2015. – № 3.
6. Шигуров А.В. Нарушение конституционных прав граждан России «анти-террористическим пакетом» И. Яровой // Мир науки и образования, 2016. № 4 (8).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

INTERNATIONAL STANDARDS OF SOCIAL SECURITY LAW

Аннотация: в статье рассматриваются международные стандарты права социального обеспечения, а также их значение в российской правовой системе, как ориентир для развития правовой системы нашей страны.

Annotation: the article examines international standards of social security law, as well as their importance in the Russian legal system, as a guideline for the development of the legal system of our country.

Ключевые слова: международные стандарты, право на социальное обеспечение, Европейский суд по правам человека, защита права на социальное обеспечение.

Keywords: international standards, the right to social security, the European Court of Human Rights, protection of the right to social security.

Современное международное право характеризуется «конкретизацией общечеловеческих стандартов прав и свобод личности, с которыми государства должны соизмерять обращение с собственными гражданами»¹. Положения международных актов содержат правовые стандарты, которые полностью или частично воспринимаются государствами в процессе законотворчества и являются определенным ориентиром для приведения норм и положений национального законодательства, в частности, о социальном обеспечении в соответствие с международными стандартами.

Международные стандарты в области социального обеспечения создавались многолетней практикой и нашли закрепление в международных и региональных договорах. Существенное значение имеет практика рассмотрения жалоб на нарушение права на социальное обеспечение Европейским судом по правам человека, который с помощью прецедентной практики также вырабатывает

стандарты и оказывает существенное влияние на правоприменительную деятельность стран участниц Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Впервые намерение мирового сообщества распространить социальное обеспечение на всех нашло свое отражение в Рекомендациях МОТ 1944 г. об обеспечении дохода и о медицинском обслуживании.

Учреждение в 1919 г. Международной организации труда позволило начать работу по гармонизации национальных правовых систем в области социального обеспечения и положило начало формированию международного права социального обеспечения.

Филадельфийская декларация 1944 г., ознаменовала начало нового этапа в деятельности МОТ. Она подтвердила, что «нищета в любом месте является угрозой для общего благосостояния», и декларировала, что все люди, без какого бы то ни было различия на основании расы, цвета кожи, пола, «имеют право на осуществление своего материального благосостояния и духовного развития в условиях свободы и достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей; достижение условий, при которых это будет возможно, должно явиться главной целью национальной и международной политики»².

В 1948 г. принимается Всеобщая декларация прав человека, которая закрепила не только право на социальное обеспечение, но и право на достойный уровень жизни, гарантирующий человеку и его семье возможность удовлетворения их основных потребностей.

Положения Декларации послужили ориентиром для разработки Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. Участвующие в Пакте государства признают право каждого человека на социальное обеспечение, включая социальное страхование.

Значительное место в развитии национальных систем социального обеспечения занимает Конвенция № 102 МОТ «О минимальных нормах социального обеспечения», которая закрепляет условия предоставления и размеры девяти видов социального обеспечения. «Конвенция № 102 является международным стандартом для развития национального законодательства многих стран мира, поскольку она содержит достаточно «гибкие» нормы, позволяющие странам с различным уровнем социально-экономического развития применять разные способы защиты населения от социальных рисков. «Гибкость» правового регулирования проявляются также в том, что страны имеют возможность ратифицировать Конвенцию при наличии в национальной системе лишь 3 из 9 видов социального

² Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред. Э.Г. Тучкова, Ю.М. Васильева. М.: Проспект, 2013. С. 299–300.

обеспечения и в дальнейшем развивать ее путем ратификации остальных положений»³.

Известен своей деятельностью по выработке стандартов в сфере социального обеспечения Совет Европы, акты которого являются важными источниками международного правового регулирования социального обеспечения.

Важнейшим международным договором Совета Европы является Европейская социальная хартия, принятая в 1961 г. и пересмотренная в 1996 г. Часть I Хартии содержит цели и принципы, к достижению которых должны стремиться государства – участники Хартии, а часть II закрепляет социально-экономические права человека, которые обязаны обеспечить государства-участники.

Вступив в 1996 г. в Совет Европы, Российская Федерация подписала и ратифицировала все основополагающие конвенции Совета Европы, в том числе Европейскую социальную хартию (пересмотренную).

С целью достижения более высоких минимальных стандартов социального обеспечения в сравнении с Конвенцией МОТ № 102. Советом Европы был разработан и в 1964 г. принят Европейский кодекс социального обеспечения и дополнительный Протокол к нему, который повысил уровень выплат по сравнению с Конвенцией МОТ № 102.

Важную роль в развитии международного права социального обеспечения играет Европейская конвенция о социальном обеспечении 1972 г. данная Конвенция «распространяется на все виды социальных выплат (пенсии и пособия). Конвенция устанавливает координационные механизмы подсчета трудового и страхового стажа, исчисления пенсий. Она применяется ко всем общим и специальным системам социального обеспечения на страховой или не страховой основе, включая ответственность работодателей в отношении пособий и пенсий. Двусторонние и многосторонние договоры определяют условия, на которых Конвенция применяется к системам, установленным путем коллективных договоров, признанных обязательными по решению публичных властей»⁴.

Отметим, что Российская Федерация не ратифицировала ни Европейский кодекс социального обеспечения, ни Европейскую конвенцию о социальном обеспечении.

Международные организации не ограничиваются только провозглашением прав и свобод человека, а принимают реальные меры по созданию механизмов их соблюдения, охране и защите. Так, например, защита права на социальное обеспечение осуществляется Европейским судом по правам человека в контексте

³ Там же. С. 300–301.

⁴ Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред. Э.Г. Тучкова, Ю.М. Васильева. М.: Проспект, 2013. С. 302–303.

статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая состоит из трех основных положений:

- 1) уважение права собственности;
- 2) невозможности лишения имущества;
- 3) условия ограничения права собственности для осуществления контроля государства за ее использованием.

Неисполнение судебного решения о выплате пенсии (пособия) расценивается Европейским судом как нарушение в области социального обеспечения, такого рода дела рассматриваются в соответствии со статьей 6 Конвенции.

Так по жалобе А.Т. Бурдова, которая затрагивала невыплату «чернобыльских» пособий во исполнение судебных решений Суд удовлетворил требования заявителя и указал, что невозможность добиться исполнения судебных решений, является нарушением права заявителя на уважение своей собственности. Кроме того, Суд указал, что, не исполнив решения суда, власти «лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить»⁵.

Через семь лет из-за отсутствия прогресса в исполнении судебных решений Суд применил процедуру вынесения «пилотного постановления», которая вынудила изменить на национальном уровне ситуацию, связанную с несвоевременными выплатами властями денежных средств, присуждаемых российскими судами. Через год после вынесения указанного пилотного постановления был принят Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок». Но этот Закон касался судебных решений по денежным обязательствам государства. После второго пилотного постановления по делу «Герасимов и другие против Российской Федерации» (Gerasimov and others v. Russia, 01.07.2014) принят аналогичный федеральный закон, на сей раз по так называемым обязательствам в натуре⁶.

Такая обратная связь на взвешенную позицию Европейского суда должна стать образцом взаимодействия между Российской Федерации и Европейским судом по правам человека.

В качестве противоположного примера можно привести широко известное дело «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia, 22.03.2012). По делу обжаловалось неравенство в обращении между мужским и женским персоналом вооруженных сил в отношении права на отпуск по уходу за ребенком. В данном деле Суд признал, что мужчина, претендующий на

⁵ Бурдов (Burdov) против Российской Федерации: Постановление ЕСПЧ от 07.05.2002. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации. М., 2019. С. 94.

получение отпуска по уходу за ребенком, находится в ситуации, аналогичной женщине, поскольку целью отпуска является предоставление возможности оставаться дома и ухаживать за ребенком.

Кроме этого Европейский суд отклонил заявление властей Российской Федерации что предоставление отпуска по уходу за ребенком мужчинам-военнослужащим создает угрозу национальной безопасности. По мнению Европейского суда, «существуют другие средства достижения законной цели защиты национальной безопасности»⁷.

Стоит отметить, что попутно Суд высказал довольно резкую критику в отношении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 187-О-О в котором Конституционный Суд не установил нарушения конституционных прав К.А. Маркина и конституционного равноправия мужчин и женщин, обосновывая свое решение весьма ограниченным участием женщин в несении военной службы, а также особой социальной ролью материнства.

На наш взгляд, о данном деле можно говорить долго, но однозначно то, что данное Постановление Европейского суда явилось переломным для отношений ЕСПЧ и Конституционного Суда Российской Федерации, и изменило готовность Конституционного Суда Российской Федерации следовать правовым позициям Европейского суда по правам человека.

В целом, основной вклад Европейского суда в защиту прав граждан в области социального обеспечения состоит прежде всего в защите от дискриминации, в признании необходимости исполнения судебных решений о выплате пенсий и пособий, а также в предоставлении возможности обращения в Суд за защитой прав, прямо не предусмотренных в Конвенции. По нашему мнению, ЕСПЧ не панацея от всех бед, роль указанного института скорее служить «дисциплинирующим» средством для национальных органов государственной власти, в том числе судебных органов, которые с помощью такого внешнего контроля, могут выявлять слабые места в своих правовых системах и устранять их с помощью исполнения постановлений Суда.

В заключение отметим, что обязательство учитывать международные стандарты в сфере прав и свобод человека и гражданина содержится в ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, в соответствии с которой в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Данное положение указывает на взаимосвязь и взаимодействие общепризнанных принципов и норм международного права и положений Конституции РФ в части регулирования прав и свобод человека.

⁷ Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации: Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Российская Федерация является участником многих международных соглашений, которые нашли свое отражение в национальной правовой системе, в том числе в части, касающейся социального обеспечения. Принимая во внимание, что в настоящее время в мире усиливаются процессы глобализации, международные акты приобретают всё большее значение. Включение международных стандартов социального обеспечения в российскую правовую систему не только обеспечивает реализацию Россией обязательств перед международным сообществом, но и предоставляет возможность совершенствования российского законодательства, являясь ориентиром для развития правовой системы нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Комкова Г.Н., Шудра О.В., Даурова Т.Г. Институт прав человека в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998.
2. Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред. Э.Г. Тучкова, Ю.М. Васильева. М.: Проспект, 2013.
3. Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации. М., 2019.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE INFORMATION SPHERE

Аннотация: в статье рассматривается вопрос, связанный с развитием защиты прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере на международном уровне, а также осуществляется анализ правоприменительной практики Европейского суда по правам человека по данному вопросу.

Annotation: the article examines the issue related to the development of the protection of human and civil rights and freedoms in the information sphere at the international level, and also analyzes the law enforcement practice of the European Court of Human Rights on this issue.

Ключевые слова: международное право, международная защита прав человека, Европейский суд по правам человека, информационные технологии, декларация, информационные отношения.

Keywords: international law, international protection of human rights, European Court of Human Rights, information technology, declaration, information relations.

Международные стандарты в системе прав человека закрепляют обязательства, которые те или иные субъекты должны неукоснительно соблюдать. Становясь участниками международных отношений и заключая различные договоры, стороны берут на себя обязательства уважать права человека, его свободы и интересы, защищать и обеспечивать их соблюдение.

В настоящее время современное общество развивается стремительными темпами. Появляются новые виды общественных отношений и объектов, по поводу которых могут заключаться, в том числе, международные договоры и создаваться другие международно-правовые документы. Сейчас огромную роль в обществе играют информационные технологии, так как они создают всё больше возможностей для обмена знаниями и информацией на международном уровне, что объединяет весь мир. На сегодняшний день очевидно, что без информационных технологий теперь человек никак не обойдется. Но вместе с тем, возникает

закономерный вопрос: как будет происходить дальнейшее развитие международной защиты прав человека в сфере информационных отношений?

Нет сомнения, что информационная сфера и все отношения, возникающие в ней, находятся в постоянном развитии. В связи с этим в науке всё больше появляется точек зрения относительно самого понятия «информационные правоотношения». Например, Н.Н Ковалева полагает, что: «Информационные правоотношения — это общественные отношения, урегулированные правом, субъекты которых являются носителями информационных прав и обязанностей». Считаем, что данное определение лаконично и доступным образом раскрывает основной смысл данного термина. Другой подход к определению использует Т.Ш. Иззатов, а именно: «информационные правоотношения – это процесс целевого перераспределения в обществе различной информации (личные данные человека, различные факты, события и другое), независимо от формы её перераспределения». Существуют и другие точки зрения среди ученых. Изучив их, представляется возможным предложить обобщенное собственное определение термину «информационные правоотношения». Информационные правоотношения – это отдельный вид отношений, которые появляются, меняются, прекращаются, и регулируются нормами права (как национального, так и международного) в информационной сфере.

Правовая база, которая бы полностью регулировала права человека в информационной сфере, ещё до конца не сложилась, но уже сейчас большую её часть составляют именно источники международного права. Нельзя не отметить основной документ в этой области — всеобщую Декларацию прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948г. Обращаясь к статье 19 этой декларации, мы видим, что в ней закреплена свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от государственных границ¹. Данную норму можно даже считать основой для международного сотрудничества государств. Существуют и такие международные договоры, которые позволяют регламентировать различные аспекты информационных отношений. К таким договорам можно отнести, например, Орхусскую конвенцию, которая принята в 1998 г. Она предусматривает право на доступ к экологической информации и многое другое.

Хотим отметить, что существует Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятая 1981 г. Этот международный договор подписан государствами – членами Совета Европы. Российская Федерация является действующим членом данной международной

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 217А (III) от 10 дек. 1948 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

организации. Согласно вышеуказанной Конвенции, государствами должны обеспечиваться на территории каждой стороны для каждого физического лица, независимо от его гражданства и места жительства, уважения его прав и основных свобод, и его права на неприкосновенность частной жизни в отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных². Помимо этого, устанавливается запрет, на сбор так называемых «чувствительных данных». К таким данным относится следующая информация:

- биометрические данные,
- информация о расовой принадлежности,
- данные о религиозной принадлежности,
- сексуальная ориентация и др.

Несомненно, в защите прав человека и гражданина в информационной сфере важную роль играют нормы мягкого права (soft law). Мягкое право – это некие правила поведения, которые имеют рекомендательный характер. Такие нормы помогают регулировать, конкретизировать и дополнять уже действующие международные договоры.

Одним из главных органов, который предстает гарантом защиты прав и свобод человека и гражданина, является Европейский суд по правам человека³. Это международный постоянно действующий судебный орган, в деятельность которого входит такая важная обязанность, как рассмотрение жалоб на нарушение прав и свобод отдельных лиц. Постановления Европейского суда по правам человека — основополагающие документы, устанавливающие единые стандарты в области защиты прав и свобод человека. В своей практике международный судебный орган определил, что свобода информации – это базовый принцип любого демократического государства. Если будет ограничиваться доступ именно к публичной информации, это будет расцениваться как ущемление самой сути принципа свободы получения информации. Показательным было дело, когда в Европейский суд по правам человека поступила жалоба от заключенного, который был гражданином Эстонии. Когда этому гражданину понадобилось выйти в Интернет для того, чтобы воспользоваться сайтами с правовой информацией, ему было в этом отказано. ЕСПЧ пришел к выводу, что действительно, на государство не возлагается обязанность предоставлять заключенным возможность выходить в Интернет, но, если государство хочет установить запрет на посещение этим гражданином каких-либо сайтов, он должен быть обоснованным. Причины, на которые ссылалось государство в данном случае, были расценены

² Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) // URL: <https://base.garant.ru/2559798>.

³ Европейский Суд по правам человека // URL: www.espch.ru/content/view/142/2.

ЕСПЧ как недостаточные для ограничения права заключенного на получение информации.

Также у ЕСПЧ сложилась не менее интересная практика в отношении дел, связанных с хранением в базе данных образцов ДНК граждан, отпечатков пальцев, различной документации и архивов, необходимых для проведения проверок. Такие вопросы важно регулировать и разрешать на международном уровне, ведь, чтобы обеспечить нормальное развитие личности, обществ и государств, необходимо выработать практику по эффективной защите интересов отдельной личности в «цифровом обществе».

Процесс включения в нашу жизнь информационных технологий, несомненно, создает новые возможности для обмена знаниями, информацией между разными странами, создания новых платформ для взаимодействия людей с разных континентов и многое другое. Однако следует отметить и тот факт, что информационное развитие вызывает необходимость привлекать внимание к решению проблем, ранее не встречавшихся на практике (например, интернет-травля, взлом и распространение персональных данных человека, запрет на поиск информации и другое). Для эффективного решения возникающих вопросов, необходимо стремиться к созданию исчерпывающей международной правовой базы, которая сможет обеспечить максимальную защиту прав и свобод человека и гражданина в информационной среде. Ведь именно это будет определять уровень развитости, защищенности и стабильности всего мирового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Иззатов Т.Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
2. Ковалева Н.Н. Информационное право России: учебное пособие. 2-е изд. М.: Дашков и К, 2012.
3. Марченко М.Н. Юридическая природа и характер решений Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2.
4. Международная защита прав человека и государственный суверенитет: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015.

Научное издание

**Международное и национальное право как инструменты
признания человека, его прав и свобод высшей ценностью**

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической
конференции молодых ученых

(г. Пермь, 10 декабря 2021 года)

Научный редактор *Ю. В. Васильева*

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *А. Н. Жданов*

Объем данных 2 Мб
Подписано к использованию 30.12.2021

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15